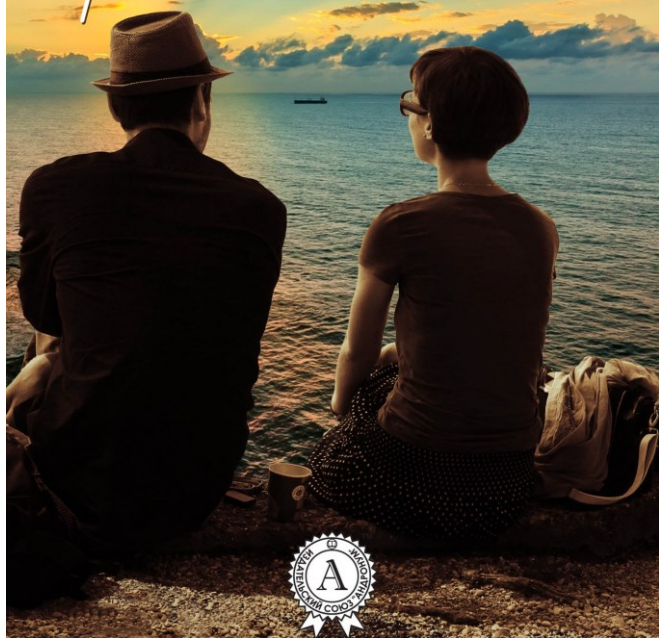

Ирина Островецкая

Не могу с тобой
расстаться

Маша была совершенно уверена в том, что после достижения пенсионного возраста жизнь обязательно должна остановиться. Жизнь просто обязана превратиться в рутину вяло текущих, похожих друг на друга дней, без увлечения, без привычной работы, не приносящих былой радости. К тому же, с пенсионным возрастом пришло и крушение романтических надежд: ее оставляет горячо любимый муж.

Чувствуя, в каком упадническом состоянии находится мать, дочь решается на отчаянный поступок. Путёвка в дорогостоящий дом отдыха на море становится сюрпризом для Маши. Трудно сразу принять решение: накопилось много долгов, и уклад жизни разбит бытовой волной, но неожиданно Маша соглашается на поездку. Может, в последний раз...

Было десять дней, которые потрясли мир, но было всего четыре дня, которые помогли исцелить израненную душу.

Книга «Не могу с тобой расстаться» Ирины Островецкой — роман-фейерверк, роман-откровение, роман-признание в любви для всех девочек, девушек и женщин, мечтающих о настоящей всепоглощающей любви.

Ирина Островецкая

НЕ МОГУ С ТОБОЙ РАССТАТЬСЯ

ПЕНСИОНЕРКА

У меня крутой поворот в жизни. Я стала пенсионеркой. Надо же, я, и вдруг — пенсионерка! К своему особому положению никак не могу привыкнуть. Правда, с работы пока не выгоняют, мой зять — директор фирмы в которой я работаю, но и отношение сослуживцев уже другое... Или мне кажется?

Всё-таки пенсионерка! Это как прозвище, кличка, клеймо на всю жизнь. «По вику и до вику» — написано в предложенной мне анкете на пенсионное обеспечение.

И что же осталось? Или уже отжила? А может уже хватит?

Но я не привыкла унывать. Не уволили — и ладно, не солидно зятю увольнять тещу, понять могут не так. Пусть будет пока всё, как есть, а дальше видно будет. Пока платят зарплату, да ещё пенсионное обеспечение «по вику и до вику» и в надежде на зятя жить можно!

А жизнь — интересная штука! Спешись на работу, с работы бегом, что-нибудь дома и спать, главное — ничего не забыть, ничего не перепутать.

А утром всё сначала: внуков в школу, детей на работу, мужу — бутерброд, себе — чашку кофе, если успею, и вперёд за орденами!

Вчера иду домой после работы. В руке тяжеленная сумка с продуктами. Подошла к нашей остановке метро, поднимаюсь по ступенькам лестницы вверх. У нас на остановке эскалатор не предусмотрен, просто обыкновенная лестница. Да, так вот, поднимаюсь я по лестнице вверх к поездам, держусь за перила, иду по правилам, с правой стороны.

Поднимаю глаза... и что я вижу? На меня надвигается как непреодолимое препятствие, как непреступная скала, пенсионерка со стажем. В руке у неё — клюка. Я ещё не привыкла к своему новому положению. Думаю, старый человек, надо уступить дорогу, неудобно как-то, я же ещё пока...

— Ты что, не видишь, куда идёшь? — Скрипит «скала», и прёт прямо на меня. Смотрит мне в глаза и не сворачивает с дороги!

«Лавина», соображаю я, «Надо уступить дорогу, а то сомнёт, задавит!» Делаю шаг в сторону, да как-то неуклюже отступила.

— Читать не умеешь, не видишь, здесь «выход» написано?! — Возмущённо скрипит «скала» и толкает меня рукой, вооружённой клюкой, в сторону. В её глазах столько решимости и торжества!

Трудно устоять, когда толкают неожиданно. Я чуть, было, не упала, с большим трудом удержалась на ногах. Побежали мысли одна быстрее другой: «Что делать? Сейчас она совсем пройдёт, и я не успею её стукнуть, но это же хулиганство! Толкнуть? Но тогда она полетит с лестницы, и я буду виновата! Что делать?»

Решение пришло неожиданно. Я даже сама не поняла, что делаю, а правая рука уже потянулась к её ягодице. Я УЩИПНУЛА ЕЁ! Да, я ущипнула эту неприступную скалу за ягодицу. Изо всех сил, на которые были способны мои пальцы. Щипок получился «с проворотом», как в первом классе средней школы.

Что тут началось! «Скала» заорала как резанная, стала размахивать своей клюкой и звать на помощь милицию.

Я лихорадочно соображала, как выйти из такого неприятного положения. Мне казалось, что все взгляды прикованы ко мне. Но я явно ошибалась, все смотрели на взбесившуюся старуху. Никто мне и слова не сказал, никто не понял, что произошло, почему старая женщина вдруг так взбесилась! Я спокойно продолжила свой путь по лестнице вверх. Над входом на перрон висел указатель: «ВХОД». Никогда раньше я не читала вывеску, просто придерживалась правой стороны, поэтому сейчас я читала эту вывеску снова и снова,

но значение её не изменилось. «ВХОД» — есть вход!

Старуха, яростно визжа и размахивая своей клюкой, нечаянно сильно стукнула молодого человека, который поднимался, как и я, на перрон. Не долго думая, молодой человек, ни на кого не глядя, сгрёб бабку в охапку и понёс вверх по ступенькам, туда, откуда она только что вышла, поставил её наверху лестницы, словно драгоценную вазу, а сам поспешил догонять отправляющуюся электричку. Вскочил в вагон, и был таков.

Старуха сначала не поняла, что с ней происходит, умолкла на мгновение, но потом заорала с новой силой и побежала вниз, размахивая своей клюкой, зовя милицию на помощь. И перила лестницы ей уже были не нужны, бойкой оказалась старушка!

Я шла вперёд по перрону в ожидании следующего поезда, я слышала крики, ущипнутой мною, старухи и думала о том, что меня сейчас, наверное, должны арестовать за хулиганство.

Подошёл мой поезд. Садясь в вагон, я обернулась и увидела чинно шагающего по перрону молодого, высокого, милиционера, а рядом с ним — семенящую и размахивающую своей клюкой, пенсионерку со стажем. Бабка едва доставала до пояса этому добру молодцу. Она что-то с

возмущением ему рассказывала, указывая клюкой в мою сторону. Ох, дорого бы я дала за информацию о том, что говорила эта злобная стерва. Как она объясняла молодому милиционеру, что я сделала, за какую часть тела ущипнула её?!

Двери вагонов закрылись, поезд начал движение...

А/Д

Вечно спешу, но всегда опаздываю. Это уже моё второе «Я». Мне когда-то даже поезд стоп-краном останавливали, но это уже другая история. А пока — кругом-бегом и обратно бегом.

Как-то зимой иду на работу, догоняю сотрудницу — Анну Дмитриевну. В лифт вошли вместе. Бедняга пыхтит, пот с неё течёт. Смотрит на меня и говорит, да с такой завистью!

— Вы так хорошо выглядите, такая спортивная, молодая! И не скажешь, что уже на пенсии!

— А я зарядку по утрам делаю. — Говорю ей. — Каждое утро по тридцать приседаний.

Никакой зарядкой я дома не занимаюсь. Это я так, от злости сказала, потому что при каждой встрече Анна Дмитриевна напоминает мне о том, что я уже пенсионерка, а ей до пенсии ещё очень далеко — целый год.

Анна Дмитриевна у нас человек особый. Тучная, чтобы не сказать жирная. Переболела всеми болезнями на свете. У неё было всё, кроме жёлтой лихорадки. Знает как, что и чем лечить. Ну, просто, журнал «Здоровье» на дому. Передвигается с трудом, но котелок варит отлично. И признаков склероза нет. Всё помнит, всё знает.

Кличку ей дали «Артериальное давление», сокращённо — А/Д, не зря. О чём бы ни говорили у нас в курилке, всё сведёт к повышенному артериальному давлению и способам его снятия.

— А у вас давление не поднимается после этих приседаний? — Спросила с участием А/Д.

— Да, я, знаете ли, не меряю, всё некогда. — Ответила я и вышла из лифта.

Меня провожал её задумчивый взгляд. Лишь, когда я входила в свой кабинет, дверь лифта закрылась.

Я не вспоминала об А/Д довольно длительное время. Не доводилось встречаться.

Однажды я значительно опоздала на работу. Бегу, вдруг вижу впереди еле идёт А/Д с палочкой. Пыхтит, с трудом передвигается. — Доброе утро, Анна Дмитриевна! — Говорю ей.

— Ох, кому доброе, а кому и не очень... — Стонет А/Д.

— Что-то случилось?

— Да, вот, зарядку делала. Вы же рекомендовали приседать каждое утро по тридцать раз. А у меня на третьем приседании в колене что-то щёлкнуло, да, громко так! Теперь вот с палочкой потихоньку хожу, мне в колено уколы в поликлинике делают.

— О, Господи! Я же не рекомендовала вам физкультуру делать, я только говорила, что я так делаю! Это вовсе не значит, что и вы должны за мной повторять!

— Но вы же такая молодая, красивая, и не скажешь, что пенсионерка. А какой у вас муж! Ой, вы — такая пара!.. Мне так хочется быть такой как вы, я же значительно моложе вас, мне на пенсию в следующем году!

Ну, надо же! Будто она жизнь за меня хочет прожить! Вот это да, муж мой красавице приглянулся!

— А вы обтираться мокрым полотенцем не пробовали? — Спросила я, уже нарочно, думаю, интересно, повторит или нет?

— Ох, надо бы попробовать... Вот, пусть колено отболит, я тогда собой займусь...

Опять мы разошлись по своим офисам и снова долго не встречались.

Зима подходила к концу, и мы сменили меховые шапки на более лёгкие головные уборы. Я

стала носить розовый, вязаный берет с тоненькой антенной, такой миленький, я его очень люблю.

Как-то, уходя с работы, я столкнулась в лифте с А/Д. Вся закутанная, еле дышит.

— Что с вами, Анна Дмитриевна, гриппуете?

— Ох, колено отболело, и я решила обтираться мокрым полотенцем, как вы советовали. Да, вот, что-то простудилась. Наверное, мне это не подходит. Ну, да, ничего. С насморком я бороться умею, лишь бы артериальное давление не подскочило. Но как у вас всё получается?

Она пристальным взглядом окинула меня с головы до ног.

— Ой, что это у вас торчит из берета, какая-то ниточка? Давайте я вам её сейчас отрежу!..

С этими словами Анна Дмитриевна открыла свою бездонную сумку, порылась в ней и достала огромные ножницы, обыкновенные портняжные ножницы, в полметра длиной, наставила их на меня и говорит, мило улыбаясь:

— Наклоните вашу головку, милочка, я вам сейчас ниточку отрежу...

Я вдруг очень испугалась. Эти ножницы показались мне орудием убийства. И я уже видела заголовки в газетах: «Убийство в лифте», «Месть сотрудницы», «Как маньячки орудуют ножницами в лифте» и т. д.

Надо срочно что-то придумать, как-то культурно отказаться от услуг Анны Дмитриевны, но как?

Дверь лифта открылась, я облегчённо вздохнула, ведь это меня спасло от неминуемой смерти! Тут уж я и постоять за себя смогу.

— Вы знаете, я вам скажу по большому секрету... — Сказала я ей на ухо. — Это у меня облегчённый слуховой аппарат, замаскированный в берет. Если вы ниточку отрежете, я буду плохо слышать. Очень вас прошу, никому ничего не говорите, потому, что этот аппарат дал мне один знакомый агент ЦРУ. Такая модель у них давно устарела, и я получила неожиданно такой прекрасный подарок.

Сказала и пошла по своим домашним делам. Наивная, я думала, что всё забудется! Я думала... Да, мало ли что я думала! Важен результат ваших действий, а не ваши мысли!

На следующий день меня вызвал директор фирмы, в которой я работаю, то есть, мой зять.

— Мария Ивановна, — Сказал мне зять тоном заговорщика. — Расскажите, что это у вас за аппарат такой? Кто вам его дал и с какой целью? Расскажите мне всё честно, чтобы у нас не было осложнений с СБУ.

Я остолбенела от таких вопросов. Ну что тут можно сказать? Пришлось всё честно рассказать зятю-директору.

— Я всё понял. — Сказал он, добросовестно отсмеявшись. — Но уже скоро тепло будет, и вы не будете носить берет. Как же вы объясните А/Д отсутствие слухового аппарата?

— А я скажу, что он заколками крепится к причёске, что его очень трудно обнаружить человеку непосвящённому. Пусть наблюдает, изучает.

— Ну, вы не очень-то усердствуйте, а то ещё напишет куда-нибудь, потом хлопот будет, не отобьёмся. Лучше скажите, что аппарат у вас сломался, всё-таки устаревшая модель, понимаете?

Мне очень понравился такой вариант решения проблемы, и я успокоенная пошла на своё рабочее место.

ГУМИСИЛ

Пенсионерам дорога бесплатна во все концы города только на городском транспорте. Никакая маршрутка не возьмёт пенсионера, не желающего оплатить проезд. А такси даже не остановится. Если вдруг и остановится, то когда водитель узнает, что

вам надо бесплатно, обругает вас так, что мало не покажется.

— Жди дуровоза на свой дурукат! — Сказал мне однажды один водитель маршрутного такси. Это значило, что мне следовало дожидаться государственного автобуса и ехать на нём бесплатно.

Я, как настоящая пенсионерка, теперь езжу бесплатно на городском транспорте и в метро. Всё-таки значительная экономия в семейном бюджете получается.

А ещё, я люблю ходить пешком. Пару остановок туда и обратно, на работу и с работы. Особенно сейчас, когда весна разошлась не на шутку. Деревья одеваются в зелёный наряд, город становится таким уютным. А запахи, от них можно сойти с ума. Начинают цвести фруктовые деревья, распространяя аромат цветения далеко вокруг, поглощая смрад улицы. Приятно, тепло и комфортно...

— О, как вы хорошо выглядите! — Говорит мне Анна Дмитриевна, которую я догнала по пути на работу. — Вы, как молодая девушка, вся цветущая, свеженькая, не могу на вас налюбоваться! Всем вас в пример ставлю. Никто ни за что не угадает, что вы — пенсионерка!

«Мойся почаще, и ты будешь свеженькой.»
Подумала я, а вслух сказала:

— Да, вы знаете, мне в руки попала книга об уринотерапии. Я её прочитала от корки до корки, и теперь со знанием дела, регулярно, занимаюсь этой самой уринотерапией.

Ничего подобного я никогда не делала и делать не буду. Сказала так, чтобы А/Д отстала, но вышло по иному.

А/Д тоже в годах, возраст предпенсионный. Просто мне не повезло первой (или повезло?)

— Ну, пожалуйста, дорогая, расскажите, как вы всё это делаете!

Пришлось придумывать на ходу, как я это делаю.

Всё ей рассказав, я тут же забыла о своей фантазии. Надо было быстрее занимать своё рабочее место.

В трудах и заботах прошло несколько дней. Я напрочь забыла о назойливой А/Д. Да, как-то, и не встретилась она мне за эти дни.

И вот, спустя несколько дней, я, как обычно, вышла в курилку покурить, посплетничать, ну всё как у людей. Стоим, общаемся, рассказываем, кто что готовит, кто, где что купил, высказываем свои соображения о нашей жизни, кто следующий на пенсию, выгонят или нет. Я себя чувствую звездой. Вдруг кто-то сзади тронул меня за плечо. Я обернулась и ахнула... На меня уставилась какая-то

незнакомая женщина с красным распухшим лицом, усыпанным волдырями.

— О, Господи, неужели это вы! — Воскликнула я, с трудом узнав в несчастной нашу А/Д.

— Да. — Тихо и горестно ответила женщина.

— Что с вами? — Испуганно спросила я.

— Вы же рекомендовали мне умыться утренней мочой, вот вам и результат, у меня на аммиак аллергия.

— Простите, я не рекомендовала вам умыться мочой, я говорила, что я это делаю, чтобы выглядеть хорошо, но это не значит, что все дружно должны за мной повторять всё, что я делаю! — Возмутилась я.

— Но мне так нравится, как вы выглядите! — Ныла зануда. — И я на всё готова, чтобы выглядеть как вы! А тут — аллергия... Что теперь делать, ума не приложу! Ведь вы же сказали, что надо пить и умыться. Но только моей мочи для этого не хватает. Пришлось просить мужа и внука оказать мне такую услугу...

— И что, вы всё это пили? — В ужасе спросила я.

— Да, и умывалась этим, как вы... — Сказала она, смиренно потупившись.

Это ж надо всё так перекрутить! Я ведь, не подумав, несерьёзно сказала, а получилось не

хорошо. Ну что ей посоветовать? Я ведь не врач, а она даже не обиделась на меня за мои глупые рекомендации!

— Анна Дмитриевна. — Сказала Света. Это наша секретарша. — Я знаю, как избавиться от прыщей!

Светка — молодая девчонка, ей около двадцати пяти. Ещё детство в одном месте играет, и чёртики в глазах пляшут.

— ...?

— Я читала недавно в одном модном журнале... — Светка сделала многозначительную паузу. Народ в курилке притих. Все уставились на Светку. Мне тоже стало интересно, что же она скажет?

— Куриный помёт! — Изрекла егоза. — Его надо на водке настаивать несколько дней, процедить и потом смазывать лицо, но можно внутрь по каплям. От угрей, говорят, помогает, кровь очищает. В общем, полезная штука.

— Где ж взять этот помёт? — Горестно вопрошала А/Д.

— В магазине «Садовник»! — Вставил свои пять копеек Саша, наш водитель. — Там это дерьмо мешками по пятьдесят кг продают, бери, не хочу!

— Но это же очень много! — Возмущённо воскликнула А/Д. — Мне столько не надо! Мне же чуть-чуть!

— А там только так, по пятьдесят кг и всё. Ну, заплатите за весь мешок и возьмите свои чуть-чуть, а остальное кому-нибудь продайте. И будет у вас помёт, и будет у вас прибыль! — Дразнился негодник.

Но А/Д задумалась. Ей понравилась Сашкина мысль. А он, вредина, чтобы не засмеяться, надул напыщенно щёки, выпятил живот и с важным видом покинул курилку со словами:

— Так, всё, у меня поездка. Дела, знаете ли! Время не ждёт!

— Саша, Сашенька! — Закричала А/Д и понеслась за ним вдогонку.

Лето незаметно подоспело со своей кутерьмой: отпуска, заготовки, консервации. Всё, что произошло в тот день в курилке, забылось, стёрлось из памяти людей суматохой каждого дня.

Я давно уже не видела А/Д. В нашей курилке она больше не появлялась. Поговаривали, что она уволилась и стала частным предпринимателем, но я в это не верила. Думала, что она в отпуске.

Но вот и отпуска закончились, начались противные обложные дожди, когда на улицу и носа не высунешь, а А/Д так и не появлялась в нашей курилке.

— Ты не знаешь, куда делась наша А/Д? — Как-то спросила я у Светы.

— А она же у нас теперь ещё и частный предприниматель. — Ответила Света. — Сейчас это, знаете ли, модно.

— Она у нас работает, не знаешь?

— Она теперь и частный предприниматель и у нас работает. — Был ответ.

— Вот, как! И что же она теперь делает? — Спросила я изумлённо.

— Куриным помётом торгует по чуть-чуть. — Хихикнул Саша. — Её киоск находится напротив «Зелёной аптеки». Но она только по субботам практикует.

И я решила проверить информацию, полученную в нашей курилке, несмотря на то, что в нашей курилке всегда самая точная информация.

Субботним утром я отправилась в сторону «Зелёной аптеки».

Я увидела киоск издалека. Он был тоже зелёным. Я подошла к киоску и нос к носу столкнулась с А/Д. Она похорошела, подтянулась, уже не пыхтит и не хромает, но такая же толстая, какую была.

— Здравствуйте, Анна Дмитриевна! — Поздоровалась я с А/Д.

— Здравствуйте, голубушка! — Приветливо ответила она, вставая мне на встречу. — Спасибо вам за добрые советы. Я всё делаю, как вы

говорили. Вы знаете, из вас бы вышел отличный доктор, жаль, что вы пенсионерка!

Ну вот, опять — «пенсионерка». Ну что сказать? Да и спорить нет смысла, себе дороже выйдет.

— Ну, и как вы теперь поживаете, Анна Дмитриевна?

— Я теперь каждое утро приседаю, делаю «жабку», «кошку», обтираюсь мокрым полотенцем. Похудела на три кг.

Да, если от полтора центнера отнять три кг, сколько получится? Стоит ли об этом говорить с такой гордостью? А А/Д продолжала:

— Я теперь до работы и с работы пешком стала ходить. Стараюсь идти очень быстро. Устаю, потом целый день отдыхаю.

Вот это да! А что же А/Д делает на работе, если целый день отдыхает после утреннего вояжа на работу?

Но её уже нельзя было с мысли сбить, и она с воодушевлением вещала:

— Знаете, голубушка, я ведь вам очень благодарна за ваши рецепты. Я ими пользуюсь с особым удовольствием.

— Какие рецепты? — В недоумении спросила я.

— Ну, как же? А утренняя зарядка, а обтирания, и ещё многое другое. Я, вот, видите,

частным предпринимателем стала, свой продукт изготавливаю и продаю, «Гумисил» называется. Его надо принимать в комплексе с физическими упражнениями обязательно. Тогда и давление приходит в норму, и самочувствие прекрасное. Купите, попробуйте и сами убедитесь.

— А что это такое? — Спросила я. — Из чего вы его делаете?

— А, куриный помёт перерабатываю по особой технологии и получаю полезный продукт. Попробуйте, купите, ведь не дорого! А вам за деятельную помощь — скидка. Купите, не пожалеете! Ведь вы же пенсионерка, вам это очень полезно будет.

А ведь и правда, давление пошаливает, самочувствие бывает не ах! Я же пенсионерка всё-таки. Надо подумать...

А/Д продолжает рассказывать о достоинствах «Гумисила», а я усиленно мучаю мозг, думаю: купить, или не купить. Я знаю о «Гумисоле», кажется, всё. Мы его в магазине «Садовник» покупаем как удобрение на дачу, но вот «Гумисил»... Ну, не знаю, я же пенсионерка, может, и мне теперь нужны особые удобрения, кто знает?

МАРШРУТКА

Домой я решила ехать на маршрутном такси, не стала дожидаться рейсового автобуса. Погода была слякотная, промозглая сырость мешала согреться. После длительного общения с А, сильно разболелись ноги. Да и домой хотелось добраться поскорее, ведь в сумке стояла и так привлекала маленькая бутылочка с самодельной этикеткой: «ГУМИСИЛ — наружное средство для снятия суставных болей».

Домой, скорее домой! Натру изболевшиеся, натруженные ноги дивным, волшебным средством «Гумисил», сяду у телевизора, и буду довязывать внуку свитер.

Ехать нужно было до конечной остановки маршрутного такси, а потом долго идти до моего дома пешком. Маршрутка, сделав большой круг, возвращалась на конечную остановку, и маршрут начинался сначала. Весь фокус заключался в том, что по этому кругу маршрутка вплотную подъезжала к моему дому. Грех не воспользоваться пенсионерке таким нечаянным благом, ведь проезд надлежало оплатить как всем!

Машину долго ждать не пришлось. На моё счастье, салон оказался полупустым, и было много свободных мест.

Я, со вздохом огромного облегчения, опустила в одно из передних свободных кресел, достала деньги из кошелька и расплатилась за

проезд, передав через пассажиров нужную сумму. Потом потрогала заветную бутылочку в сумке и стала смотреть в окно, совершенно отрешившись от действительности.

— Женщина, приехали, конечная! — Вдруг услышала я, огляделась по сторонам и поняла, что в салоне я осталась одна, и, что я действительно нахожусь на конечной остановке.

Но до дома ещё так далеко, а машина может доставить меня к нему за пять минут, ноги противно ноют, и я решилась:

— Сынок, — сказала я, — ты сейчас будешь ехать по кругу, высади меня возле вон того дома, тебе же по пути!

Водитель, молодой, здоровенный детина, посмотрел на меня, как на врага своего Отечества. Он упорно ждал, что я всё же покину салон добровольно.

«Вот это громадина,» — подумала я, «как он умещается в водительском кресле?!» А вслух повторила свою просьбу:

— Миленький, я тебя очень прошу, подвези, пожалуйста, я себя очень плохо чувствую! — Просила я водителя, а сама подумала: «Ведь не раз я еду на этой маршрутке, никто из водителей никогда не отказывал мне, тем более, что я не нарушаю маршрут, не задерживаю машину,

оплатила проезд. Ну, сойду я немного дальше от остановки, так кому я этим помешаю?»

Водитель со злостью вздохнул, дёрнул ручку, дверь с грохотом захлопнулась, машина тронулась, постепенно набирая скорость.

«И чего это он так разозлился?» Не понимала я. «Что же такое страшное я сказала? Но ведь не выгнал же он меня из салона, повёз!»

— Женщина, вы — дура! — Вдруг громко сказал водитель, глядя на дорогу.

«К кому это он обращается, неужели ко мне? Неужели это я — дура?» — Оторопела я. Обернулась, посмотрела назад — никого в салоне. Значит дура — это я! Я промолчала, ничего ему не ответила, надо же доехать! Вот, только, почему я — дура, понять не могла.

«Наверное, дура и есть, если не понимаю», — подумала я.

— Женщина, вы, вы — дура! — Снова взревел водитель, ловко лавируя среди интенсивного потока машин.

Опять я промолчала.

«Сам — дурак! Обзывай, обзывай, а до места довези на своём дуровозе!»

Я отлично понимала, что если сейчас хоть слово пикну, он, ещё, чего доброго, высадит меня на полпути, а до дома ещё очень далеко, и ноги противно болят! Я, как настоящая дура, повертела

головой, давая понять, что не понимаю, к кому он обращается.

— До чего народ тупой! Вы, вы — дура! Это я к вам обращаюсь! — Уже ревел водитель. Его раздражала моя непонятливость.

Я, как змея перед прыжком, уставилась на придурка в зеркальце заднего вида. Да и что я могу сказать ему в пути?! Ещё во что-нибудь врежется, а я потом буду себя винить в случившемся ДТП, и до места доехать хочется, ноги болят!

Но наказать грубияна необходимо, иначе он будет и дальше хамить пассажирам. Ведь не поймёт же этот молодой хам людей пожилого возраста, пока сам не доживёт.

— Вы — дура, дура! — Снова взревел водитель. — Тут ГАИ, тут проверяющие всякие, а тут — вы едете!

Терпеть его хамство я больше не смогла, да и дом мой — вот он, рядышком совсем, только через скверик перейти.

— Остановите, будьте добры, я выйду! Мне всегда водители здесь останавливают.

— Тут нельзя, тут не могу, надо дальше проехать!

— Но, мне же...

— Я сказал, нет, надо дальше!

Он так далеко увёз меня от моего родного дома, что я пожалела о своей просьбе подвезти меня.

— Вот тут выходите, да шевелитесь быстрее! — Скомандовал он и открыл входную дверь.

«Ну, и паршивец же ты!» Подумала я. «Так далеко меня завёз! Ты же нарочно это сделал! Надо тебя проучить, просто необходимо!»

— Спасибо, сынок, большое тебе спасибо! — Сказала я бесстыднику.

— Только я не советую тебе впредь так бессовестно ссориться с теми, кто тебя кормит, а кормят тебя пассажиры. Да, я — дура, старая больная дура. Полностью с тобой согласна, только, вот, дуракам всегда везёт, а такие умники как ты, их на своих дуровозах возят! До свидания, сынок! — С этими словами я гордо вышла из маршрутки.

«Ох, как же далеко до дома!» — В сердцах подумала я.

Я стояла на тротуаре, когда за мной с грохотом захлопнулась дверь маршрутного такси, машина резко сорвалась с места, набирая скорость, но из неё посыпались какие-то винтики и покатались по асфальту дороги. Машина повернула по кругу, и я увидела, что входная дверь в ней висит на верхней петле и хлопает о корпус...

«Бедненькая машинка!» — Подумала я.

Я представила выражение лица хама-водителя этой злосчастной маршрутки, и мне стало вдруг весело! Даже захотелось, как в далёком детстве, приставить большой палец к носу и помахать ему вслед рукой.

Я шла домой вдоль скверика довольная, счастливая. Странно, но я забыла о противной боли в ногах. А солнышко уже начинало свою весеннюю работу, пригревая всё сильнее.

Мне захотелось отдохнуть, стало интересно посмотреть, чем занимаются воробьи в сквере ранней весной.

Вдруг я почувствовала, что заветная бутылочка в моей сумке перевернулась. Испугавшись, что драгоценная жидкость из неё прольётся, я остановилась у ярко-зелёной скамейки, поставила на неё свою сумку и стала наводить порядок в своих вещах.

Но что-то меня насторожило. То ли звук соприкосновения сумки со скамейкой показался каким-то приглушённым, то ли, неизвестно откуда взявшийся, запах свежей краски, то ли всё вместе. Я уже собиралась присесть на эту скамейку и полюбоваться весенне-зимним пейзажем придворного сквера, дёрнула сумку, пытаюсь её приподнять... И тут я почувствовала, что моя сумка добросовестно прилипла к скамейке. Я

пригляделась... Скамейка окрашена! Но предупреждения нет, садись, кто хочет и прилипай!

Я отодрала свою злосчастную сумку от окрашенной скамейки и расстроенная побрела к дому. Сумка ведь окончательно испорчена, жалко сумочку!

А, с другой стороны, я же — героиня! Оставила свой неизгладимый след на этой скверной скамейке навсегда, до будущей весны. И пусть теперь пишут: «Здесь сидел Вася». Мой след неизгладим.

Я не очень расстроилась из-за гибели моей сумочки, лишь бы бутылочка в ней не перевернулась. Тогда я ещё не знала, чем будущее «порадует» меня. В тот момент я была по-своему счастлива.

В ПАНСИОНАТ

Прощай, моя
любовь...

Всё так похоже на
простуду,

Что невозможно
верить чуду,

Не заиграет в жилах
кровь

Я знаю, навсегда
уйдёшь,
Тебя удерживать не
буду,
Но этой болью
ниоткуда
На части сердце
больно рвёшь.

Я всё прощу,
И будет сердце
биться,
Не дам слезе я
покатиться,
В моей душе
ответная любовь умрёт...

Недавно от меня ушёл муж. Нельзя сказать, что я очень расстроилась. Сказать так, это значит — ничего не сказать. Мы с ним прожили много лет, и мне казалось, что душа в душу, и у меня даже мысли не закрадывалось, что его что-то не устраивает.

Он ушёл утром, как обычно, на работу. Взял с собой завтрак и ушёл, как ни в чём не бывало. А вечером позвонил и сказал, что у него всё нормально, попросил, чтобы я не волновалась,

потому что он сейчас совсем в другом месте. Его там ждут, любят, ценят. Мужчины именно это чаще всего говорят в подобных случаях.

Он сказал, что в нашем доме он всё чаще нарывался на чёрствое непонимание его утончённой и такой ранимой души. А там, куда он сегодня идёт, он — единственный, неповторимый и самый любимый.

Надо же! У этой утончённой души из носа капает, у неё — хронический насморк, из неё песочек сыплется — у неё камни застревают, где только могут, а она, туда же, за пониманием!!!

От неожиданного известия трубка выпала из моих рук. Я долго сидела, будто замороженная и не могла очнуться.

Муж мой тоже пенсионного возраста, но работает и даже прилично зарабатывает, но зарплату теперь он будет носить не домой, да и дом-то его теперь в другом месте.

Его слова меня просто убили. Я так и осталась сидеть у телефона, а трубка укатилась куда-то на пол, и из неё неслись короткие гудки.

Я всегда считала, что мы с мужем прожили счастливую и долгую жизнь, оба дожили до пенсионного возраста и не часто обращались в поликлинику.

Это я так считала, не он. И вот теперь я жестоко наказана за свою самоуверенную беспечность. Теперь его нет рядом. Он ушёл, исчез, быть может, навсегда из моей жизни. Нет рядом его тёплого и такого надёжного плеча, на которое я так бездумно всегда опиралась в своей прошлой жизни.

Когда подруги говорили, что очень больно расставаться с любимыми, я пропускала это мимо ушей, ведь это меня не касалось, потому что моё было всегда рядом со мной. Я, не понимая их боли, всё же пыталась их как-то утешить, чем-то развеселить, даже женихов искать пыталась. Иногда, даже, нормально получалось. Подруги успокаивались, через какое-то время жизнь их налаживалась, а я тихо радовалась, что всё так замечательно складывается.

Но сейчас ЭТО произошло именно со мной и надо начинать жить заново, но никто, почему-то, не утешает меня. Руки опускались, страшно начинать всё сначала в мои годы. Мой муж ушёл. Он больше не приходил, лишь периодически позванивал, интересовался здоровьем внуков. Больше его абсолютно ничего не интересовало. И разговаривал он всегда теперь не со мной, а с моей дочерью. Если я брала трубку, он молча отсоединялся.

У меня был шок. Да, самый настоящий психологический шок. Я не могла даже сдвинуться

с места. Я сидела и тупо смотрела в пространство перед собой, не замечая ничего вокруг. Шутки дочери и внуков, которые хоть как-то пытались развеселить меня, нисколько на меня не действовали. Я ушла с головой в своё горе.

Я не знаю, какая разлука лучше: или вторая половина уходит в мир иной, оставляя тебе лишь воспоминания и нехитрое наследство, и ты становишься вдовой, или твой драгоценный муж, живёхонький, вдруг встрепенётся и уйдёт к другой женщине. Тогда тебя грызут сомнения, потому что та, другая, обычно моложе, но опытнее и сильнее тебя. Ведь ты не обладаешь искусством обольщения, тебе это никогда не было нужно, ты никогда не интересовалась этим, твоё чудо было всегда с тобой рядом, если не на работе, то на диване у телевизора вместе с газетой.

Постепенно с годами твоё отношение к мужу входит в привычку, и ты перестаёшь замечать маленькие трещинки в ваших отношениях.

Но он не теряет времени даром. Он тоже привыкает, но его обязательно что-то не устраивает, и он начинает искать. Хоть он уже вполне привык к твоим золотым качествам и к твоим фокусам, он в поиске. Он всегда в поиске чего-то нового, а ты ничего не замечаешь в текучке хлопотных дней, ничего нового ему не предлагаешь.

И вот, постепенно, шутки становятся злее, всё агрессивнее, переходят в ненужные укоры, а ты ничего не замечаешь, ты давно привыкла. Тебя даже обмануть ничего не стоит, потому, что ты веришь свято в его ложь. Ты за проделками быта ничего не способна увидеть. Ты уже не способна остро реагировать на необычное его к тебе отношение.

И когда начинается размолвка, ты, вдруг, прозреваешь, но поздно, поезд давно ушёл, ты осталась одна на пустом перроне с тяжёлым чемоданом, до верху набитым претензиями и обидами, и ничего не в силах изменить...

А жизнь текла своим чередом. Нужно было ходить на работу, нужно было выполнять какую-то работу по дому. Я стала делать всё, что от меня требовалось, механически, бездумно. Голова отсутствовала, душа добросовестно страдала.

В тот период своей жизни я была просто машиной, запрограммированной на определённую работу, бездумной, бездушной, словом, кухонный комбайн, плюс, компьютерная кнопка от мышки.

Однажды моя дочь Лика пришла домой с работы позже меня и протянула мне конверт.

— Что это? — В недоумении спросила я.

— Посмотри, тебе должно понравиться. —
Ответила дочь.

В конверте лежала путёвка в крутой пансионат на берегу моря на одного человека. Номер люкс.

— Что это? — Повторила я вопрос, ещё больше изумляясь.

— Мамочка, это тебе! — Торжественно сказала дочь — У тебя же скоро отпуск. Езжай, развейся. Там ты должна отлично отдохнуть, мне обещали.

— Зачем мне это? — Буркнула я. — Мне и дома хорошо. Бери детей и езжай сама.

— Мамусик, родненький, там примут только тебя, это твоя путёвка. Ну, что тебе стоит? Уже готовая, оплаченная путёвка, мамусечка!

— Откуда ты такую кучу денег взяла?

— Мамчик, это десятипроцентовка в лучший пансионат побережья. Поживёшь месячишко, как королева, без нас в номере — люкс. Отдохнёшь, сил наберёшься. А то, вон, какая бледная, смотреть больно. Может, что-то изменится в твоей жизни. — Загадочно подмигнула мне дочь.

— О, тёща, класс! Ещё и уезжать оттуда не захотите! — Выдал зять, не дав опомниться. Если бы он знал, как он был прав в тот момент!

Задала мне дочка заморочку! Ну, что теперь делать, ехать, не ехать? Я же до сих пор так добросовестно страдала! А тут поездка, да такая соблазнительная!

Я долго думала над такой неожиданной проблемой, целую ночь не спала. А утром приняла решение: страдать больше не надо, Я ЕДУ!!! Ведь ничего интересного не предполагалось больше в моей теперешней пенсионерской одинокой жизни, и мне вдруг захотелось изменить мир вокруг себя, может быть в последний раз, кто знает! Надоело страдать, надоело плакать, захотелось перемен, хоть и кратковременных, пусть только на месяц, даже на неделю, но я согласна!

Одна я никуда и никогда не ездила. Было страшновато. Множество вопросов иголками тыкали в мой возбуждённый мозг, но я гнала сомнения прочь. Вопросы лишь разжигали интерес к поездке.

И, в то же время, что-то тормозило меня. Я не ждала ничего интересного для себя ни там, ни здесь. Но если я останусь, я буду всю оставшуюся жизнь жалеть о той волшебной возможности что-то изменить хоть чуть-чуть, хоть на время. Эта «возможность» всю ночь пролежала на моём письменном столе, не давая уснуть.

Утром решение было окончательно готово: Я ЕДУ!!!

Ведь я сейчас одинока. Да, в моей большой, шумной и весёлой семье я одинока! На работе никаких изменений, движение дел так однообразно-скучно, что я начала понимать: это конец, конец моим стремлениям, моим надеждам. Скоро, очень скоро меня могут вежливо попросить освободить рабочее место, и что тогда? Всё, я большего никогда не достигну. Да и зачем париться, для кого звёзды с неба снимать? Никто не оценит. Некому доказывать, что ты ещё что-то значишь в этой жизни. Ведь ушёл же он, мой муж, мой единственный, всегда горячо мною любимый, всегда подставлявший своё, такое надёжное, плечо в трудную минуту, тот, кто всегда мог подсказать правильное решение любой проблемы. Чего-то не понял, чего-то не оценил, чего-то не простил. Я только сейчас осознала, что всё это время он был в поиске, и уже нашёл то, что искал. Как же мне хотелось, чтобы он жестоко ошибся! Но его ошибки уже особого значения не имели. Я осталась одна...

И я понимала, что вернётся он не скоро, да и вряд ли он вернётся вообще, а если вернётся, то это будет уже не он, это будет уже другой человек, с незнакомыми мне привычками, со странными для меня желаниями, стремлениями. Это будет чужой...

Я где-то прочитала, что все мужчины — это козлы, которые ходят на длинной верёвке, но нельзя послаблять или натягивать эту верёвку, могут сорваться.

Я не натягивала, я послабляла эту самую верёвку, и мой «козёл» ушёл к другой «козе». Я всегда предоставляла ему полную свободу действий, никогда не ревновала, никогда не требовала от него правдивых признаний, никогда не спрашивала с пристрастием: «Где ты был!», понимая, что в таких случаях о правде не может быть и речи. Я полностью ему доверяла, как самой себе. Оказывается, напрасно доверяла!

Где была та роковая ошибка? Я больше не хотела искать, но душа болела. Эта боль не давала мне двигаться, дышать, мыслить. Не возможно было привыкнуть к тому, что тебе теперь придётся идти одной по этой такой сложной жизни.

Теперь ночью никто не согреет, никто не принесёт тебе стакан воды и лекарство, если заболит голова, никто не разбудит на рассвете ласковым словом. Ты, как солдат, просыпаешься от будильника или от окрика дочки: «Мама, пора, ты на работу опоздаешь!» Никто тебя ласково не обнимет, потому, что ты уже никому не нужна, старая выварка. Посмотри на себя в зеркало, на кого ты похожа? Сколько морщинок щедро избородили твоё лицо, превратив его в географическую карту

незнакомой местности? Где твой румянец на всю щеку? Где твоя счастливая и такая заразительная улыбка?

Ты никогда собой не занималась, ты никогда не стремилась улучшить свою внешность, ты ходила в парикмахерскую раз в пол года под нажимом дочки, вспомни, как это было! Только, когда дочь, рассердившись, тыкала зеркало тебе в руки, и, бешено вертя указательным пальцем у виска, орала: «Мать, постыдилась бы, посмотри, на кого ты похожа!!!», ты шла стричься.

Да, во многом я не права, я знаю. Я не умела самого главного, я не умела быть женщиной. На работе я была запчастью своего компьютера, дома я была кухаркой, прачкой, нянькой, политобозревателем домашних новостей. Я совсем забыла о собственном муже, и, всё чаще, когда мы обсуждали с дочкой и зятем дела житейские, мой муж оставался у телевизора с газетой в руках. Когда он пытался поделиться со мной прочитанным, я отговаривалась тем, что безумно устала, ноги не стоят, мозги высохли. Мне было просто не интересно обсуждать политические коллизии, в которых я, ровным счётом, ничего не понимала, я даже выслушать не хотела, мне было скучно.

Теперь я жестоко наказана за свою неженственность. Теперь я одна, хоть и живу в большой семье. Я одна, и в этом не только его вина.

Я одна, и понимаю, что моё время неозвратно ушло. Я одна, и мне очень жаль себя, мне очень больно...

Путёвка... Путёвка — это же решение! Это же мой спасательный круг! Так чего же я брыкаюсь? Я должна зубами вцепиться в предложенную мне возможность, я должна принять этот драгоценный дар как манну небесную!

Теперь я взглянула на эту ситуацию другими глазами, и вдруг поняла, что эта поездка мне просто необходима. Мне с непреодолимой силой захотелось изменить что-то в своей жизни, оторваться от работы, домашних дел, от всего того, что обычно держит женщину у очага мёртвой хваткой.

И я поехала.

На перроне провожали меня всей семьёй.

— До свиданья, бабулька! — Весело кричали мне мои близнецы — внуки, когда я входила в вагон поезда. — Привези нам чего-нибудь интересного! Скорее приезжай, бабулька, нам будет скучно без тебя!

— Привезу, привезу! — Кричала я в ответ, помахав им рукой на прощание.

— Мамулечка, приедешь на место, сразу позвони. У тебя в номере должен быть телефон, мне обещали.

— Да, доченька, позвоню, родная, не беспокойся.

Мои родные детки долго шли за поездом и махали мне в след руками. Я впервые покидала лоно семьи одна. Впереди — манящая неизвестность...

Поезд набирал скорость, но я оставалась ещё там, с моими дорогими детьми. Я вспоминала, что забыла одному внуку погладить брюки, второму пришить пуговицу, я совсем забыла постирать дочке дорогой свитер особым образом, чтобы он не изменил своих форм...

А поезд уже покидал пригород моего родного города. Он увозил меня куда-то в незнакомую, неведомую даль. Я тогда даже предположить не могла, что это навсегда...

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В курортный городок, обозначенный в путёвке, я приехала ранним утром. С вокзала шофёр такси доставил меня прямо к воротам пансионата, получил с меня невероятную сумму денег и растворился в прозрачном воздухе приморского городка.

Я осталась одна на мостовой с огромным чемоданом в руках и растерялась. Я не знала, куда идти, что предпринять. Денег у меня уже не было,

пришлось отдать все свои сбережения расторопному таксисту. Уж он-то точно знал, что делает.

Но я не переживала. Дочь обещала выслать деньги телеграфом, как только я устроюсь и позвоню ей. Я согласилась, потому, что боялась воров вагонных. Много историй подобного рода мне рассказывали мои подруги, поэтому я взяла лишь необходимую сумму на дорогу. Ведь в путёвку входил полный, почти месячный, пансион с трёхразовым питанием, что ещё надо?!

Посидев на своём огромном чемодане и проклиная свою невозможную глупость, я вошла в ворота пансионата и двинулась по дорожке парка к корпусу.

«Какой же он тяжёлый этот дурацкий чемодан! — С досадой думала я. — Зачем я послушалась советов дочки и набрала столько ненужного хлама?! Я ведь не буду всем этим пользоваться. Вот, дура какая, во истину, возраст мне не в пользу!!!»

Изнывая от тяжести ручной клади и от начинающейся жары, я всунулась в дверь корпуса и стала оглядываться.

В глубине холла стоял столик дежурного администратора. За ним сидела сонная и очень красивая девушка в форме. Я решила, что мне надо подойти именно к ней. И не ошиблась.

Девушку звали Илона. Она действительно была этим самым дежурным администратором. Я заполняла карту отдыхающего, а у меня руки дрожали мелкой дрожью от недавнего поднятия такого тяжёлого веса. До ужаса тяжёлый чемодан, спровоцировав такую реакцию, преспокойненько стоял рядом у моих ног.

— На каком этаже вы желаете поселиться? — Ангельским голоском спросила у меня Илона, но, поймав мой недоумевающий взгляд, сказала: — Уже многие выехали. Много номеров освободилось, вы можете выбрать себе что-нибудь по своему вкусу.

— А-а-а... — Протянула я, не веря в своё счастье. — Я не знаю...

— Вы, наверное, впервые отдыхаете у нас, я вам подскажу. Давайте определимся с этажностью. На каком этаже вы хотели бы жить?

— Ну, не знаю... Наверное, на втором, чтобы и вору не залезть, и подниматься не тяжело. — Ответила я, ещё не зная, в какой пансионат попала.

— Ну, что вы, воров у нас нет. Посмотрите, вещи на балконах сохнут, никто не боится.

Мне показалось, что девушка немного обиделась, и мне стало неудобно за свои высказывания, но Илона быстро овладела собой.

Она была вышколена до автоматизма и отлично знала свою работу.

— Для вас вообще-то забронирован номер, не желаете ли его осмотреть? — Скромно спросила Иллона. А я согласилась. Дочь плохого не предложила бы.

Меня поселили в отдельный номер на втором этаже.

Я никак не могла ожидать, я даже предположить не могла, что у меня будет такой шикарный номер. В нём имелись все удобства, всё работало, комната светилась чистотой. Ванная и туалет сверкали, все ручки и краны были на месте, вода в унитазе смывалась Ниагарским водопадом. Большой телевизор в комнате работал, можно было смотреть любую программу. Волшебная сказка, да и только!

В комнате обнаружилась ещё одна дверь. Я открыла её и обомлела. За дверью была маленькая спальня.

Оказалось, что дочка заказала мне номер люкс, состоящий из двух комнат и санузла.

Вот это — да!!! Номер люкс! Номер люкс, предполагавший спокойный, уединённый отдых. Я даже предположить не могла, что мне предстоит такой отдых, который, явно, не каждому по карману.

Я включила чудо-телевизор, полистала программы, нашла что-то музыкальное и пошла в душ. Захотелось смыть дорожную грязь и тяготы пути.

Я открыла краны, побежала тёплая, нежная водичка, смывая с моего тела и моей души всю грязь и остатки проблем, которые оставила дома. Боже, как было приятно подставлять пальцы под эти ласкающие струи, как было приятно ощущать на коже быстро бегущие, журчащие ручейки.

После душа, укутавшись в мягкий махровый халат, висевший на затейливом крючке в ванной, я вышла на балкон.

Балкон оказался большим, удобным, на него выходили двери моего и соседнего номера. По середине балкон разделялся на две части металлической перегородкой.

«Это, наверное, чтобы не было травм, если вдруг вор залезет», сделала я своё умозаключение.

С моего балкона открывался восхитительный вид. Пансионат утопал в зелени, а чуть дальше шумело море. Его можно было видеть и слышать. На губах ощущался солёный морской воздух. Слышны были голоса чаек, круживших над водой. Само море переливалось всеми цветами радуги. Блики неровно ложились на стены здания.

Я поняла: я нечаянно попала в сказку. Сказка не рядом, она вот тут, здесь и сейчас вокруг меня. Волшебная красота окружала меня.

Я скосила глаза в сторону соседнего номера. Балконная дверь там открыта настежь. Занавесь качается под порывами свежего морского ветерка. Или нет?

«Там кто-то есть, — мысленно анализировала я, — интересно, кто там живёт? Кажется, кто-то стоит за занавеской...»

— Бабушка, бабушка, смотри, там тётка голая на наш балкон вылезла! — Услышала я звонкий детский голосок и ехидное хихиканье.

Я осмотрела себя и ахнула. Полы халата разошлись, и я, действительно, стою голая и люблюсь волшебным видом.

— Диана, прекрати сейчас же подсматривать! — Откуда-то из глубины комнаты донёлся до меня хриплый старческий голос. — Сию минуту садись читать. Ничего не делаешь, только гулять тебе, бездельница!

Но противная девчонка не слушалась и не уходила. Она продолжала с любопытством рассматривать меня в щёлочку между занавесками. Её любопытный задиристый носик нахально высунулся наружу, и радостно двигался.

— Дианка, я кому сказала? Мы уже на пляже должны быть, а ты возишься!

— Бабушечка, у тётки пузо есть, как у тебя! Она не как лошадь без седла, она пердставительная!

«Вот, противная какая, всё заметила!»

Подумала я.

— Дианка, я тебе сейчас задам! — Послышался шум в комнате по соседству.

— Ой! Бабушечка, не надо! — Вдруг истошно завопила противная девчонка.

«Ага, бабка меры принимает, вот это хорошо, будет знать, дрянная девчонка, как подсматривать» — Злорадно подумала я, запахивая халат.

Послышался характерный шум воспитания, и девочка со всхлипываниями убежала в глубь комнаты. Ей, видно, очень не хотелось заниматься уроками, что-то там ещё неинтересное читать, но бабушка оставалась непреклонной, и бедняжке пришлось подчиниться.

Я осталась одна на балконе и от всей души наслаждалась утренним, южным солнцем и солёным морским воздухом.

Такой полной и всепоглощающей свободы у меня не было с тех пор, как я вышла замуж. Вечно какие-то заботы не давали расслабиться. А тут делай, что хочешь, и никто тебе не предъявит никаких претензий, никто не заставит тебя что-то делать, не надо готовить, стирать, гладить, убирать.

Да, царский подарок преподнесла мне моя доченька, как я ей благодарна за это!

Море шумело и отсвечивало разноцветными бликами, чайки весело кричали, приглашая на берег, ласточки неутомно резали воздух перед моим балконом. Идиллия!

— Женщина, женщина! — Услышала я какой-то надтреснутый голос со стороны соседнего номера. Я повернула голову и увидела женщину приблизительно моего возраста, седовласую, полноватую, с каким-то потухшим взглядом.

— Женщина, здравствуйте! — Воскликнула она радостно.

— Здравствуйте! — Приветливо ответила я.

— Вы только что приехали?

— Да. — Ответила я.

— Ой, а мы уже пару дней здесь.

— Ну, и как, нравится?

— Очень! Тут просто замечательно, вот вы сами увидите.

— А с кем вы приехали? — Спросила я, чтобы поддержать разговор.

— С внучкой. Она уже хотела перелезть через этот заборчик и с вами познакомиться, да я не дала.

— Я догадалась...

— Я так испугалась, что она будет вам надоедать! Ой, она у меня такая липучка! Так я её — за книжку, пусть читать тренируется, ведь скоро в школу, там не пожалеют. — Назидательно сказала она, погрозив пальцем занавеске.

— Вот бедняжка, — только и сказала я.

— Да она же бездельница, ничего делать не хочет! — Со справедливым возмущением женщина снова погрозила пальцем занавеске.

— Бабушечка, я же читаю, только про себя читаю! — Возмутилось чадо в глубине комнаты.

— Ты ж у нас знаменитость, про тебя в каждой книжке прописывают, а вслух не можешь двух букв связать, бекать начинаешь. Вот, читай, а я потом спрошу у тебя, что ты там про себя прочитала.

— Бабушечка, а когда на пляж? — Ни с того, ни с сего, спросила девочка.

— Ты читай, читай, а потом будет пляж.

Бедный ребёнок стал усердно бубнить текст по слогам. Девочке, видно, очень хотелось на пляж, в прозрачную морскую воду, но бабушка, никак не отпускала её на свободу.

— Ведь до конца каникул ещё целая неделя, не жалко вам, что она в комнате сидит? Вы же на отдыхе. — Тихо спросила я женщину.

— О! Дай ей волю, так она весь пансионат кверху ногами поставит. Пусть лучше книжки

читает, больше пользы будет. — Насупилась женщина.

«Видно знает, что делает» — С сожалением подумала я, а вслух сказала: — Надо, наверное, к морю сходить.

— Ой, пошли вместе, мы вам дорогу покажем. — Явно обрадовалась женщина.

— Да, сейчас волосы высушу, и пойдём.

— А как вас зовут? Я — Жанна.

— Меня зовут Маша. Вы пока поучитесь, а я быстро соберусь.

Через час, уже по солнцепёку, мы спускались тенистой аллеей к морю.

— Тёточка, а вы сможете потом подняться наверх? Сегодня подъёмник не работает, надо писи — ком подниматься. — Ехидненько спросила Дианка.

«Писи-ком-собака-лифт не работает — точка — ру- Новый файл открыт!» — Подумала я.

— Ну, не знаю. Если не смогу, буду жить на пляже, а ты будешь мне пирожки из ресторана носить, хорошо?

— Хорошо, я вам буду свой обед приносить! А вы что, тогда бомжом будете? — Весело рассмеялась Дианка, за что получила увесистый подзатыльник от бабушки.

— Я папе расскажу! — Заревела капризница.

— Ты взрослая девочка, Диана, подумай, что ты сейчас сказала чужой тётёе? — Спросила Жанна.

— Ладно, больше не буду. — Неожиданно присмирела девочка, а потом, немного погодя, спросила у меня с надеждой: — А вы плавать умеете?

— Нет. — Коротко ответила я.

— Вот, бедняжка! — Ни к кому не обращаясь, подытожила Диана и в припрыжку побежала вниз по аллее.

— Вы не боитесь её так свободно отпускать? — Спросила я Жанну.

— Нет, тут спокойно, для малышей раздолье, а купаться она сама не пойдёт, ей это запрещено.

Сделав несколько крутых поворотов, аллея привела нас на берег. Пляж был песчаный и огорожен со всех сторон забором. Туда пускали только по курортным книжкам.

Белые пластмассовые лежаки стояли в два ряда у кромки воды, но не все они были заняты. Можно было легко найти свободное место, несмотря на то, что сезон ещё не закончился, и это несказанно удивило меня. Я не преминула поделиться своими мыслями с Жанной.

— Это пансионат такой, — сказала она. — У них расставлено столько лежаков, сколько отдыхающих. Они этот пляж выкупили и никого из посторонних сюда не пускают.

Опять как в сказке! Я о таком даже подумать не могла. Всё, что я здесь видела, вызывало у меня кучу восторга и вводило в приятное изумление. И получалось, что на этот мир я смотрела круглыми, удивлёнными, немного глуповатыми, глазами, что не преминула подчеркнуть Дианка.

— Тётяшка, а чего это у вас глаза на выкате, как у камбалы? — Весело прыгая вокруг нас, кричала она.

— Дианка, ты что, с ума сошла?! — Испугалась Жанна.

— Бабушечка, тётечка шарящая, ты не волнуйся, я же вижу!

— Дианка!!! Где ты таких слов набралась?!

— А у нас во дворе все так говорят! — Невозмутимо ответила девочка.

— Вот будешь читать у меня до ужина, будешь из книжки культурных слов набираться!

— Бабушечка, ну что я такого сказала? Тётечка же продвинутая, всё знает. Бабулька, я купаться, можно?

Мы не успели ничего сказать. Егоза скинула с себя кусочек ткани, отдалённо напоминавший сарафан, и стрелой помчалась к кромке воды. Вот она уже качается на волнах и весело хохочет, когда очередная волна приподнимает её.

— Вы уж извините мою внучку. — Извиняясь, сказала Жанна. — Такая сорвиголова растёт!

— Ничего, не волнуйтесь, всё нормально. Я — шарящая и продвинутая, я всё понимаю. У меня у самой два внука-близнеца растёт. А это — ваша Дианка в квадрате. — Успокоила я женщину. Мы понимающе посмотрели друг на друга и весело рассмеялись.

Мы устроились под навесом. Народа вокруг было мало. Мы нашли удобные для нас лежаки, оставили на них свои вещи и пошли к кромке воды, где в волнах нежилась Дианка. Я периодически оглядывалась на оставленные нами вещи, чувствуя свою незащищённость.

— Не волнуйтесь, никто не возьмёт. — Вдруг сказала Жанна, как бы невзначай коснувшись волнующей меня темы.

«Никто не возьмёт, воров здесь нет» — Я попала совсем не в тот мир, в котором я жила до сих пор. Когда ты всю жизнь на чеку, то в этом, новом для тебя, мире такая твоя осторожность выглядит довольно нелепой, странной и вызывает ехидные улыбочки людей, находящихся рядом с тобой, когда ты с испуганным видом начинаешь озираться по сторонам в поисках подходящей подозрительной, на твой взгляд, кандидатуры на роль вора.

Замечание Жанны немного осадило мою осторожность, но всё равно, я не могла

успокоиться. Мне не верилось. На Юге и нет воров — это что-то из области фантастики, в это просто нельзя поверить.

— Да не волнуйтесь вы так! — Успокаивала меня Жанна. — Тут отдыхают люди состоятельные. Они, если и своруют, то не три рубля из вашего кармана, поверьте мне!

Да, и, правда, что у меня красть? Мой старенький, но ещё имеющий вид, сарафанчик, который я случайно купила в прошлом году на распродаже за пол цены? Он ведь уже защит мною в нескольких местах. Кому такое тряпьё нужно? Подстилка? Так у людей подстилки гораздо качественней и красивее, чем у меня. Моя пляжная сумка? Так ей уже сто лет в обед, и к тому же она почти пуста, даже кошелька в ней нет. Так чего же я боюсь? Ограбления века в ближайшее время не предвидится. Я как-то сразу осознала свою неправоту и уже спокойно пошла к воде.

Я вошла в ласкающую, тёплую морскую воду, и тут же внезапно была обрызгана с ног до головы вероломной Дианкой. Пришлось нырнуть и уплыть от назойливой девчонки.

Первые метры моей дистанции давались с ощутимым трудом, но потом вода подхватила меня, и я, словно в невесомости, нежилась в ласковых волнах разомлевшего моря.

— Обманули, обманули, сами сказали — не умеете плавать, а сами вон, куда попёрли! — Возмущённо кричала мне в след Дианка, но я не обращала никакого внимания на её крики. Я омывала свою душу от всех бед сразу, я испытывала блаженство в упругих, тёплых волнах.

Наплававшись до изнеможения, я вернулась на берег и повалилась на влажный песок у кромки воды.

— Тётенька, вы обманщица! А обманывать маленьких — не хорошо, не педагогично! — Ехидно-возмущённо пищала где-то рядом Дианка.

Моё сердце усиленно билось, во всех моих членах блуждала всепоглощающая слабость, двигаться, а тем более отвечать занозистой малявке не хотелось.

Вдруг, я почувствовала, что на живот мне льётся что-то тягучее, мокрое и холодное. Я открыла глаза и увидела, наклонившуюся, надо мной, сосредоточенную Дианку.

— Что ты делаешь? — Поллюбопытствовала я.

— Дом строю.

— А почему на моём животе?

— Вы — Чудо-юдо, а я на вас город строю, вы ж всё равно пойдёте купаться. — Безапелляционно ответила вредина.

Я села, и весь дом Дианки повалился в набежавшую волну, и тут же растворившись в ней.

— Повалляли, повалляли! — Весело кричала Дианка. — Зачем повалляли?!

— Надо идти купаться, всю меня запачкала. — Со вздохом, сказала я.

— Со мной, со мной! — Умоляюще закричала девочка.

— Ага, так ты специально строила дом на мне?!

— Ну, да, чтобы вы со мной купаться пошли! Вам же надо теперь ваше большое пузо от песка отмыть. — Она искренне смотрела на меня своими синими, чистыми, как утренняя роса, глазами.

«В логике ей не откажешь.» — Подумала я, но двигаться ещё не хотелось, и я с удовольствием подставила спину жарким солнечным лучам.

— А где твоя бабушка? — Спросила я у Дианки., чтобы немного затянуть время.

— Бабушечка вон, сидит под навесом. Она купаться не любит, и меня не пускает. А с вами пустит, и ругать не будет. Пошли купаться! — Умоляюще пицала Дианка и тащила меня в воду.

Мы загорали, купались, брызгались, и я от всей души наслаждалась свободой, так неожиданно подаренной мне моей дочерью. Я забыла о доме, семье, обо всех бедах, свалившихся на мою седую голову. С этой егозой я, как бы, сама впала в детство, и мне не хотелось освобождаться от его волшебных чар.

— Дианка, марш из воды, Смотри, посинела вся! — Вдруг услышали мы сердитый окрик Жанны. Я внимательно посмотрела на девочку и поняла: мы с ней действительно перекупались. У Дианки сводило судорогой рот, зубы выбивали мелкую дробь, губы, были синими, но её огромные, синие как море, глаза весело смеялись. И ни за что не хотела она выходить из воды.

А Жанна стояла, словно нерушимая скала с пушистым полотенцем в руках на берегу, и настойчиво звала девочку, призывая её подчиниться.

— Ну, бабушечка, ну, миленькая, ну ещё немножечко! — Молила Дианка. — Ты сама иди к нам! Ну, зайди в воду, ну, поплавай с нами, я, честное мамино, не буду в тебя брызгать! Ты сама увидишь, как здорово!!!

— Вылазь немедленно, Синяя Гуска! Вот сегодня папе расскажу!

— Ладно-ладно! — Вдруг рассердилась Дианка и, очень недовольная, маршевым шагом, подошла к бабушке. Она тут же закуталась в пушистое полотенце. Зубы её продолжали выбивать мелкую дробь, а глаза снова радостно блестели. Дианка прыгала на одной ножке и приговаривала: — Не холодно, не холодно, не холодно!

— Да, — ворчала с укором бабушка, — не холодно! Смотри, как дрожишь! До ресторана не дойдёшь, по дороге упадёшь.

Наблюдая за лёгкой перебранкой бабушки и внучки, я вдруг вспомнила о своих близнецах. Они бы, наверное, подружились с Дианкой, ведь у них много общего: и возраст один, и поведение, правда, продвинутой и шарящей меня никогда не называют. Я вдруг поняла, что безумно скучаю без своих сорванцов. Надо дочке сказать, пусть привезёт их сюда. Здесь они скучать не будут, и никому вокруг не дадут расслабиться. До начала учебного года ещё есть время...

Дианка порозовела, сбросила, уже не нужное ей, полотенце и приготовилась снова бежать в воду, но Жанна её не пустила, заставила играть на берегу.

— Ещё простудится, чего доброго, возись потом с ней, — пояснила она.

Но и я замёрзла прилично и тоже долго не могла согреться, поэтому согласно кивнула Жанне в ответ. Я забыла обо всём, что меня тревожило, с её внучкой, этой маленькой и такой живой девочкой, а не мешало бы вспомнить о вреде переохлаждения и перегрева в первый день отдыха. Не мешало бы вспомнить, что идти к ресторану надо по той же аллее, только теперь придётся подниматься вверх. А аллея довольно крутая, несколько раз

поворачивающая в обратную сторону, словно змейка, ползущая вверх по склону горы.

Я устала от впечатлений, переполнявших меня сегодня, поэтому, упав на лежак, тут же задремала.

— Маша, Маша, вы слышите меня? Пора подниматься, а то на обед опоздаем! — Услышала я сквозь сон голос Жанны.

Я провалилась в благодатный сон на своём лежаке, даже не обращая внимания на то, что лежак этот был довольно твёрдым, давил бока и отчаянно скрипел при малейшем движении.

Да, действительно, пора было подниматься. Ещё на гору забираться с четверть часа. Как-то надо собрать себя в кучку. Но ноги ослабели и безвольно свисали с лежака. Мне не хотелось двигаться, думать, что-то предпринимать для своего блага. Хотелось просто лежать, смотреть в небо через сеточку навеса и больше ни-че-го!!!

— Тётя Машечка, вставайте! Нам ещё на гору переться! — Деловито воскликнула Дианка. Она будто прочитала мои мысли. Девочка была уже одета в свой кусочек ткани, отдалённо напоминавший сарафанчик, её тоненькие ножки обуты в шлёпанцы, на голове задорно сидел головной убор непонятной мне конструкции, заменивший панамку. Один из двух хвостиков

хулигански торчал из-под этого сложного сооружения.

— Дианка, я тебя предупреждаю в последний раз, следи за своим языком. — Поучала Дианку Жанна.

— А что я такого сказала?! — Возмущённо воскликнула Дианка.

«Да, — подумала я, — и правда, надо на гору переться, Дианка правильно выразилась».

Я с трудом поднялась, переоделась, и мы, не спеша, «попёрлись» на эту самую гору. Дианка весело бежала впереди, но даже она периодически тормозила. На виражах аллеи мы дружно останавливались, чтобы перевести дух, успокоить дыхание и биение сердца, но новый подъём заставлял нас снова напрягать все оставшиеся силы, которых у нас оставалось всё меньше с каждым поворотом дорожки.

Жанна особенно тяжело переносила подъёмы, но эта мученица мужественно шла к намеченной цели, не ныла и не чертыхалась. Она понимала, что головой отвечает за доверенного ей ребёнка, и принимала тяготы жизни как должное.

— Бабушечка, миленькая, купишь мне мороженого, когда мы поднимемся?! — На одном из виражей заняла Дианка.

— Кукиш, кукиш! — Ответила ей Жанна. — Ты же не слушаешься!

— Бабушечка, миленькая, я тебя умоляю!!! —
Театрально заломила Дианка тоненькие ручки и
закатила огромные, синие как море глаза.

— Одолеешь весь обед, выдам тебе денежки,
и сама пойдёшь за мороженым, ладно?

— Да, да, бабушечка, я буду слушаться, я
простараюсь съесть весь обед. Ты обещаешь?!

Чем выше мы поднимались, тем тяжелее
становилось дышать. Мы даже разговаривать
перестали — не хватало сил. Нас обгоняли другие
отдыхающие, а мы, словно дрессированные мухи,
старательно ползли вверх по серпантину аллеи.

Уже почти на самом верху горы мы сделали
последний привал. Голова у меня кружилась,
спирало дыхание, ноги стали как каменные глыбы и
передвигать их приходилось почти вручную.

«Это ж надо, какой облом?! — Думала я. —
Море — вот оно, рядом, а добраться к нему —
трудно!»

— Ничего, это только в первые дни. —
Обнадёжила меня Жанна. — Потом
подтренируетесь и будете бегать козочкой по этим
горкам.

«Да, скорее всего она права, потом будет
легче. Только когда это «потом» наступит? Так не
хочется нагружать себя! И в море купаться хочется,
и по горам козочкой скакать не хочется. Ну и выбор
предлагает мне судьба: хочешь купаться в море —

научись взбираться на крутую гору, не возмущайся, смирись с предложенным, тогда получишь желаемое».

Обед прошёл весело и непринуждённо. Меня посадили за столик, за которым сидели Жанна с Дианкой.

Все, предложенные нам, блюда оказались необыкновенно вкусными. Я и не заметила, как смела всё до капельки, запив съеденное фирменным напитком, который был необыкновенно вкусный.

Жанна тоже не заставила себя долго упрашивать.

Лишь Дианка брезгливо ковыряла вилкой в тарелке второго блюда и никак не могла проглотить кусочек натурального мяса.

— Ежь быстрее, Дианка. Смотри, уже ресторан опустел, а ты вилкой по тарелке скрежещешь.

— Бабушечка, можно я это оставлю? Я такого не люблю. — Умоляла Жанну Дианка.

— Но ты же сама выбирала меню и обещала, что всё съежешь. — Возмутилась бабушка.

— Я же не знала, что оно такое несъедобное!

— Ну, почему же оно не съедобное? — Удивилась я — Нам с бабушкой обед очень понравился.

— Это, наверное, потому, что вы старенькие. Старым всё нравится. А мне бабушечкина картошка нравится, а не эта скользкая гадость! — Зло ответила мне Дианка.

— Не заставляйте её, Жанна. Она к ужину проголодается, тогда и съест больше.

— Правильно, бабушечка, не мучай меня несчастную. — Умоляюще воскликнула Дианка, почувствовав поддержку с моей стороны.

— Как же, ждите! — Воскликнула Жанна. — Захочет она! Никогда она не захочет! Я уж не знаю, чем её кормить.

— А ты мне мороженое обещала. — Ныла Дианка.

— Какое мороженое?! Ты же ничего не съела! — Возмущённо рыкнула на неё Жанна.

— Давай сейчас после обеда отдохнём, а потом пойдём гулять и купим тебе мороженое. Ладно? — Предложила я девочке, пытаюсь с ней как-то договориться.

— А я сейчас хочу!!! — Завизжала вредина.

— Ну, что с ней делать? — Расстроилась в конец Жанна.

— А ничего, не кормить, и точка! Пусть почувствует голод.

— Она никогда не почувствует голод. — Обречённо сказала Жанна.

— Отпусти её на улицу. — Перешла я на «ТЫ».

Жанна испытывающее посмотрела на меня, и сказала Дианке: — Компот выпей, и дуй на улицу.

Дианка не заставила себя долго упрашивать, даже денег на мороженое не попросила. Быстренько допила компот и выбежала из ресторана.

— Что мне с ней делать?! — Сетовала Жанна. — Не ест, и всё!

— Не подкармливай её в течение дня, только воду давай. Никаких вкусностей, только завтрак, обед и ужин. В этом пансионате, до неприличного, вкусно кормят.

— Так она же требует! И мороженое, и конфеты, и пирожные. Если я не дам, папе жалуются, а зять ругает, за то, что ребёнка ущемляю. — Обречённо сказала Жанна.

— Ну, тут ты должна что-то выбрать: или наладить питание, или окончательно испортить ей желудок.

— Ох, что ты знаешь?! Зять у нас в спонсорах ходит. Если ему что-нибудь не нравится, он так ругается!..

— Ты так его боишься?! — Удивлённо спросила я.

— А как ты думаешь?! Он же обеспечивает благополучие моих девочек, поэтому я должна ему подчиняться.

— Ты должна, нет, ты просто обязана ему объяснить, что нельзя есть конфеты за пол часа до еды, что нельзя слопать сразу несколько пирожных и запить всё это целой бутылкой сладкой воды. Если он всё оплачивает, значит, умеет зарабатывать, а если умеет зарабатывать, значит — не дурак, должен понимать. Слова подбери нужные.

— Да что ты знаешь?! — Только и сказала печально Жанна.

До корпуса дошли молча. Дианка будто понимала, что бабушка чем-то расстроена. Спокойно шла рядом, не баловалась, не задавала каверзных вопросов, не просила ничего купить.

— До свиданья, тётя Маша. — Грустно сказала девочка, когда мы расходились по номерам.

Я задела Жанну за что-то очень болезненное. Не всё гладко и в этой семье. Жанна не выглядит счастливой, она какая-то затравленная. Нет уверенного блеска в её глазах. Она чего-то или кого-то боится.

Может зять у неё не такой, может ещё что-то. Не знаю. И, не зная, я, по-хозяйски, влезла не в своё дело. Может, теперь она со мной совсем общаться не будет? Жалко!

Я очень переживала из-за своей неосторожности, ведь я что-то, неизвестное мне,

всколыхнула в том чужом болоте, но что, я никак не могла понять, а в своём не хотелось ковыряться.

Я зашла в свой номер немного взволнованная, но разморенная солнцем и обедом, рухнула на диванчик возле телевизора, взяла в руки журнал, который купила для развлечения в поезде и... уснула неожиданно для себя. Будто провалилась в мягкую мглу.

— Тёточка, тёточка, проснитесь! — Звенел над ухом как настойчивый комар, тоненький голосок Дианки. Мне очень трудно было стряхнуть с себя остатки сна. Я никак не могла понять, где нахожусь, и как сюда попал ребёнок, и чего этот чужой ребёнок от меня хочет.

— Тёточка Маша, проснитесь, прошу вас, проснитесь, пожалуйста! — Теребила меня за плечо маленькая ручка. Девочка была явно чем-то напугана. Наконец, последние обрывки сна улетучились, я медленно включалась в ситуацию.

— Дианка, откуда ты здесь?

— Перелезла через перегородку, так быстрее. У вас же балкон открыт.

— А — а, понятно... Что случилось, почему ты здесь? — Снова я задала этот дурацкий вопрос.

— Там — бабушечка! Ей плохо, а я не знаю, что делать. Я её таблетками накормила, но ей не

лучше. Она меня за вами послала, а вы спите, спите...

Я пришла в номер и свалилась на диванчик в гостиной, даже не переодевшись. Сейчас моя небрежность мне очень пригодилась. Я сорвалась с диванчика, и мы вместе с Дианкой выскочили на балкон.

Красота убывающего дня уже не радовала меня. Я даже не заметила этой чарующей, волшебной красоты. Я спешила на помощь.

Дианка в момент преодолела барьер, разделяющий половинки нашего балкона, а я застряла на взлёте. Представив ситуацию со стороны, я внутренне содрогнулась от жалости к себе, представив, как толстая баба с солидным животиком, чтобы не сказать, брюхом, перелезает в соседний номер через барьер и цепляется сарафаном за штыри перегородки. Слезть невозможно ни назад, ни вперёд. Так я и осталась сидеть на перегородке, будто на лихом коне.

— Дианочка, отцепи меня, пожалуйста! — Попросила я девочку.

Дианка уже вбежала в комнату, но тут же вернулась, услышав мой сигнал о помощи. Увидев меня, висящую на штырях перегородки, она весело расхохоталась.

— Чего ржёшь, помоги лучше! — Вдруг, рывкнула я на неё. И, странное дело, девочка

послушно подошла и принялась снимать полу моего сарафана со штыря. Но не тут-то было! Ткань сарафана прорвалась на острие штыря, и под тяжестью моего тела натянулась до звона.

— Тётя Маша, у меня ничего не получается, вы такая жирная! — Кряхтя от усилий, сказала мне Дианка.

Надо же! А я до сих пор лелеяла надежду, что не очень изменила свои формы. Мне до сих пор казалось, что я стройна и неотразима, хоть и полновата. Ещё никто не говорил мне, что я жирная, и я расстроилась до слёз. Так я и повисла плачущей Мальвиной на перегородке балкона и не знала, как мне преодолеть это злосчастное препятствие, так неожиданно откуда-то взявшееся на моём пути. Мне показалось, что проблемы снова включили «поиск цели», а целью являюсь я! Разозлившись не на шутку, я изо всех сил дёрнула полу сарафана, и перекинула ногу через перегородку.

С противным треском рвалась ткань моего любимого старенького сарафана, когда я преодолевала препятствие. Дианка схватилась своими тоненькими ручками за голову.

— О-о-о! — Только и произнесла она.

Соседний номер был зеркальным отражением моего, только диван в гостиной был другого цвета.

Пахло корвалолом и ещё каким-то противным лекарством. Жанна возлежала на диване с закрытыми глазами и тихонько постанывала.

— Вот! — Торжественно сказала Дианка, указывая на бабушку.

— Что «вот»?! — Рассердившись, спросила я.

— Бабушечке совсем плохо. — Не обращая ни малейшего внимания на мой тон, печально сообщила Дианка. — Ей так плохо ещё никогда не было. Я боюсь. — Сделав испуганные глаза, она посмотрела на меня и продолжала, подражая взрослым: — Что теперь делать, ума не приложу.

— Надо сообщить дежурной и вызвать доктора. — Приняла я мудрое решение.

— Не надо доктора... — Вдруг простонала Жанна. — Обойдётся...

— Жанна, не выдумывай! С тобой же ещё Дианка! Что она без тебя будет делать?

— Бабушечка, что я без тебя буду делать? — как обезьянка повторила за мной Дианка.

— Всё обойдётся... Я уже лекарств напилась. Я посплю немножко, и выздоровею. Не надо врача, прошу тебя, Маша! Не беспокой людей напрасно.

Но я больше не слушала причитания Жанны. Ей нужна была срочная помощь, потому что выглядела женщина, как замороженный минтай, вся зелёно-серого цвета с каплями пота на лице, и разговаривала она как-то вяло, безразлично.

Я выскочила в коридор и тут же наткнулась на дежурную по этажу. Барышня сидела за своим столом в холле со спицами в руках и смотрела телевизор, который располагался чуть поодаль.

Увидев меня, она как-то странно склонила голову и выпучила глаза. В спешке я не поняла причины её такого поведения.

— Будьте добры, скажите, как вызвать доктора? — Нервно спросила я у неё.

— Вам? — Не меня позы, спросила дежурная.

«Вот, дура!!!» Подумала я. Её глупый вопрос разозлил меня.

— Не мне, а в соседний номер! — Прорычала я в ответ.

— А-а, сейчас позову, а что там случилось? — Медленно пряча спицы под стол, промямлила она. Дежурная явно не торопилась, ей так хотелось довязать до конца ряда, чтобы не забыть счёт петлям! Но я стояла над ней с грозным, как мне казалось тогда, видом и с нетерпением ждала, когда же она начнёт спешить и вызовет врача Жанне. А дежурная под столом продолжала вязать!!!

— Неужели я так непонятно объяснила? — Не выдержала я. — Человеку плохо, вы понимаете?

— Доктор обедает, будьте добры, идите в свой номер и ждите. Он зайдёт к вам, как только освободится.

— А-а! Так он ещё и освобождаться будет! Сколько же его ждать?! Женщина может не дожждаться. — Заорала я, думая совершенно о другом освобождении.

Она, наконец, поняла, что я настроена воинственно и не собираюсь отступить. Засунув с явной досадой вязание куда-то в глубь стола, так и не завершив задуманного, дежурная крикнула и поднялась.

— Идите в свой номер! — Раздражённо повторила она, вставая. — Я сейчас спущусь в ресторан и позову Геннадия Валериевича. Он к вам подойдёт.

— Да не ко мне, а в соседний номер, вот сюда! — Указала я с досадой на номер Жанны.

— Да? А я думала, что доктор вам нужен, вы такая перевозбуждённая! Это иногда случается с нашими постояльцами в первые дни пребывания на море.

— Слушай, ты, мерлуза выпученная! — Не сдержала я своего раздражения. — Если ты сейчас не позовёшь врача, то через час тебе придётся вызывать батюшку, а тебе будет очень плохо, и доктор понадобится и тебе, и не только доктор, ты поняла?!?!

— Дама, вы хамите администратору по этажу, а я, заметьте, при исполнении обязанностей. — В конец разобиделась дежурная, и я вдруг очень испугалась, что сейчас она откажется исполнить мою просьбу.

— Слушай, ты можешь понять, что у женщины сердечный приступ, она синяя лежит, ей помощь нужна, иначе будет плохо!

Она была до неприличия тощая и длинная, с торчащими из-под кожи суставами, и сутулилась, чтобы казаться меньше ростом, но такой красоты ничем не испортишь. Сутулость придавала ей сходство с корягой, плившей по течению реки, и вдруг зацепившейся за что-то на мелководье.

Теперь она, наконец, поняла, что помощь врача нужна не мне, и решила выяснить для себя, что случилось, кому плохо, почему плохо? То ли из любопытства, то ли для того, чтобы потянуть время, дежурная начала задавать вопросы.

— Кому это там плохо?

— Женщина в этом номере, — указала я на дверь номера Жанны.

— Ага, ща посмотрим! — Сказала дежурная и морским коньком поскакала в указанном направлении. Мне до боли в печени захотелось её стукнуть, но я мужественно ждала, когда же она утолит своё любопытство. Подойдя к номеру, она, не церемонясь, открыла дверь и заглянула внутрь.

— Кому там плохо?! — Громко спросила она, с порога заглядывая в номер Жанны, но тут же захлопнула дверь и присела, уставившись на меня, будто только что проглотила ежа или увидела крокодила. Она беспомощно вращала глазами и хватала ртом воздух, сидя на корточках. — Почему вы не сказали, что там сердечный приступ?! — Возмущённо спросила она, оправившись от временного замешательства.

— Скорее, зовите доктора, а то поздно будет, скорее! — Я схватила её за тощую руку, с силой дёрнув, подтолкнула к выходу с этажа.

Дежурная побежала куда-то вниз, а я вернулась в номер Жанны.

Жанна лежала на диване в гостиной такая же, какой я её оставила пять минут назад. Дианка сидела рядом, что-то шептала ей на ухо и с любовью гладила старческую, изработанную руку бабушки.

Когда я вошла, девочка с надеждой посмотрела на меня и спросила:

— Скоро доктор придёт?

— Да, Дианочка, сейчас придёт, надо немножко подождать. Давай постелем кровать и переведём бабушку в спальню, чтобы ей было удобнее, посвободнее немножко.

Дианка послушно пошла за мной в спальню. Мы вместе постелили постель, потихоньку

перевели туда Жанну, раздели её и уложили, а сами сели на диване в гостиной. Мы больше ничем не могли помочь бедной женщине, мы должны были только терпеливо ждать.

Но ждать пришлось не долго. Буквально через пять минут после того, как мы с Дианкой уселись на диване и приготовились ждать врача, в дверь номера кто-то громко постучался.

Мы обе, как по команде подскочили к двери, впуская долговязого, худощавого мужчину, похоже, средних лет, в фирменной майке без рукавов и шортах, с большим кожаным портфелем в руках.

— Здравствуйте, я доктор, кто вызывал? — Сказал мужчина неожиданным басом и с любопытством уставился на меня.

За его спиной торчал вопросительный знак дежурной по этажу. Она дышала доктору в ухо и пыталась получше рассмотреть, что происходит в комнате.

— Люся, выйдите, будьте так любезны, я сам разберусь, что тут стряслось. Идите на свой пост.

Оказывается, эту корягу звали Люся. Она снова недовольно крикнула и, презрительно взглянув на меня, вышла из номера, закрыв за собой дверь, и не преминув стукнуть ею погромче.

Доктор, будто и не обратил внимания на выбрык Люси. Он продолжал смотреть на меня, будто ожидал признания в любви.

— Не я больная. — Сказала я, как бы оправдываясь. — Хозяйка номера в спальне.

Он больше не задавал вопросов, а зашёл в спальню и прикрыл за собой дверь. Мы с Дианкой так и остались сидеть на диване в гостиной. Девочка прижалась ко мне, и я почувствовала лёгкую дрожь в её худеньком тельце.

— Не волнуйся, доктор вылечит бабушку, всё наладится, вот увидишь. — Успокаивала я малышку, глядя её по головке.

Дианка не ответила. Она молча прижималась ко мне и тихонько плакала. Девочка была напугана болезнью бабушки. Надо было как-то её успокоить, но что я могла сказать ребёнку в такой ситуации?

Мы только сегодня утром познакомились, но уже не были чужими. Я чувствовала это, но утешить девочку пока не могла, не находила нужных слов. А она маленькая, тщедушная и такая беззащитная, доверчиво прижавшись ко мне всем своим тельцем, сейчас ждала от меня именно этого, ведь рушился её маленький мирок, и она даже представить себе не могла, что будет, если вдруг не станет рядом бабушки. Ей было очень страшно. Она видела во мне именно ту соломинку, которая может спасти утопающего. Она терпеливо ждала...

Неожиданно открылась дверь спальни. На пороге стоял доктор и улыбался. Мы с Дианкой, как

зачарованные, смотрели на него и не могли вымолвить ни слова. Мы молча ждали ответа, как осуждённый ждёт своего приговора.

— Не волнуйтесь. — Забасил доктор. — Дама перегрелась на солнышке. Такое бывает в вашем возрасте. Надо к себе более внимательно относиться. А я думал, это вы меня вызывали. — Обратился он ко мне.

Я птицей слетела с дивана и принялась благодарить доктора за помощь. На стене, рядом с дверью спальни, висело большое зеркало.

Случайно мой взгляд поймал то, что это зеркало отражало, и я застыла в ужасе. Мне стали понятны странные взгляды дежурной Люси, её непонимание: кому нужен доктор, недоумевающие взгляды доктора и желание обоих меня полечить.

Из зеркала на меня смотрело лохматое чудовище в разодранном сарафане. Это чудовище подобострастно улыбалось доктору, пытаясь произвести на мужчину приятное впечатление. Сарафан был разорван почти до талии и кокетливо показывал всё, что было под ним. А там было только тело!..

Косматые лохмы закрывали глаза чудовищу, из-под прядей крашенных, нечёсанных волос торчал нос. Казалось, баба- Яга залетела в комнату, только метлы и ступы не хватало.

Я вдруг отчётливо поняла, какое впечатление произвела на доктора, и мне по настоящему стало плохо. Нет, в обморок я не упала, не смогла опуститься до такого безобразия, но на душе стало так тоскливо!

Тошно было смотреть на такого респектабельного аккуратно причёсанного мужчину в аккуратных шортах и майке какой-то очень крутой фирмы-изготовителя. Мой старенький, разорванный до этого самого места, сарафан не выдерживал никакой критики.

Я неосознанно попятилась и рукой схватилась за разрыв сарафана. Доктор понял это по-своему.

— Вам, что, тоже плохо? — Участливо спросил он меня.

— Да, нет, мне хорошо, я отлично себя чувствую! — Попыталась браво оправдаться я, мечтая лишь о том, чтобы он убрался поскорее.

— Вы присядьте на диван. Стрессы безнаказанно не проходят, особенно в вашем возрасте. Я вам сейчас давление измерю.

Я так и поняла, что здесь каждый человек при встрече со мной будет указывать на мои недостатки. Одна сказала, что я слишком жирная, другой неоднозначно намекнул на мой преклонный возраст, что же будет дальше?! А доктор недвусмысленно подталкивал меня к дивану и угрожал аппаратом для измерения давления...

Я могла спокойно предположить, что его аппарат зашкалит на моей руке, потому, что стыд сковал мои движения, кровь лупила в голову с такой силой, что я сама ощущала громовые удары своего пульса.

Я знала, всё придёт в норму, как только я успокоюсь. Но как тут успокоишься, если главный раздражитель стоит перед тобой, недвусмысленно подталкивает тебя к дивану и не собирается никуда уходить?! Как ему объяснить, что мне неудобно, стыдно! Ведь он же не стоит передо мной в разорванной футболке и неряшливых шортах, а я выгляжу бабой-Ягой, растерявшей свои взлётные принадлежности.

— Пожалуйста, присядьте на диван. — Повторил доктор своё предложение, настойчиво взял меня под локоть и подтолкнул в заданном направлении со словами: — Вам непременно надо измерить давление. Ваш цвет лица меня настораживает.

— Нет, нет, не надо! — Отнекивалась я, но он уже ловко усадил меня на диван, надел манжетку на мою руку, потом нажал какую-то кнопку, и манжетка стала надуваться. Я, как замороженная, наблюдала за уверенными действиями эскулапа. Дианка вертелась рядом и с огромным любопытством следила за каждым его движением.

— Не бойтесь, это совсем не больно. —
Успокаивал меня доктор.

Он приставил стетоскоп к моему локтевому сгибу и внимательно смотрел на экран приборчика. Повторив эту процедуру несколько раз, он спросил у меня: — Какое ваше обычное давление?

— Как у космонавта! — Выпала я.

— Сейчас немного повышенное. —
Задумчиво сказал доктор.

— Доктор, вы не беспокойтесь, я себя очень хорошо чувствую. Я очень переживаю из-за того, что случилось. Знаете, ведь от переживаний давление может повышаться. — Бойко затараторила я и кокетливо улыбнулась.

Я сидела на диване частично успокоенная, потому, что разрыв сарафана находился сзади, подо мной и моего безобразия просто не было видно. Это придавало мне больше уверенности.

Доктор ещё раз внимательно посмотрел на меня и покачал головой.

— Вы сегодня у нас первый день и уже обгорели. Это тоже могло вызвать скачѐк давления. Не стоит быть такой беспечной. Прошу вас, будьте осторожны, не спешите выходить на открытое солнце.

Доктор не спешил уходить. Он стоял у порога и раздавал советы, и я не знала, как с ним

распростаться. Ну, как мне ему надо было объяснить, что ему уже пора?!

«Ну, когда же ты уберёшься, внимательный ты наш?! — Думала я. — Как же мне привести себя в порядок, если ты торчишь здесь, как прыщ на одном месте?! Неужели ты не понимаешь, что мне необходимо уединиться, чтобы исправить кое-что в моём облике?!»

— Доктор, вы сейчас объясните нам, как себя вести с больной, чем её лечить, чем кормить? — Решила я переключить внимание доктора в другое, нужное нам русло.

— У неё, вроде, ничего серьёзного нет. Ещё раз говорю, дама перегрелась на солнце. Наше солнышко не прощает вольностей с вашей стороны. Сегодня вечером придёт медсестра и сделает ей укольчик, чтобы давление пришло в норму, и чтобы она лучше спала. Сегодня пусть не встаёт, а завтра посмотрим. Я завтра утречком заскочу.

— Ой, спасибо вам, доктор, за ваше внимание. — Выразила я ему свою искреннюю благодарность.

— Всё под контролем, не беспокойтесь. — Сказал он. — Пусть сегодня не поднимается с постели. Ужин ей принесут в номер. Я дам распоряжение.

Наконец, мы с Дианкой остались одни. Немного успокоившись, я решила заглянуть в спальню. Жанна спала. Её спокойное дыхание вселило в меня уверенность в завтрашнем дне, а с этой уверенностью стали одолевать размышления об этом самом завтрашнем дне.

Я не знала, как поступить с ребёнком, так нечаянно оказавшимся на моей совести, как себя вести с Жанной, незнакомой, но уже близкой мне женщиной.

Безусловно, ей надо помочь после такого сильного приступа, и за Дианкой присмотреть. От такого никто не застрахован.

Ну, и денёк выдался! Это мой первый день пребывания в пансионате. Что же будет дальше?

Я думала, что такое случается только в кино: с ног сшибательный сюжетец, вышибающий слезу у зрителя...

Жанна спала. Мне не давал покоя мой разорванный сарафан, надо было привести себя в порядок. Не мешало бы сменить одежду, причесаться.

До ужина оставалось ещё достаточно времени, можно было сходить на пляж, но что делать с Дианкой? Оставить её с больной бабушкой и уйти нельзя, девочка ещё слишком мала, она может растеряться в самый ответственный момент. Взять

её с собой на пляж тоже нельзя. Вдруг Жанна проснётся и обнаружит отсутствие внучки, это может повлечь за собой новый приступ.

Надо было на что-то решаться, что-то предпринимать. И я решила вернуться к себе в номер и для начала переодеться, а потом подумать, как поступить с Дианкой.

Определившись в последовательности своих действий, я уверенно поднялась с дивана и направилась к входной двери.

— Тётя Маша, вы куда? — Взволнованно спросила девочка.

— Дианочка, я пойду к себе и переоденусь, ладно?

— У вас там дверь на замок закрыта. Я к вам стучалась, стучалась, а вы не слышали. Тогда я перелезла через перегородку.

От слов Дианки мне стало плохо. Я тут же вспомнила, как попала сюда. Обрато мне придётся идти этим же путём, то есть, снова перелезть через перегородку на балконе...

Когда я лезла сюда, я была взволнована и не думала о последовательности своих действий. Сейчас, успокоившись, я пришла к выводу, что обратно перелезть не смогу. Надо что-то придумать, как попасть к себе в номер. Видимо, придётся обращаться за помощью к Люсе.

— Тётя Маша, — с готовностью выпалила Дианка, — давайте, я перелезу через перегородку, открою дверь, и вы зайдёте, ладно? — Её чистые, синие, как море, глаза смотрели на меня так искренне, так доверчиво! А я, как ребёнок, обрадовалась такому предложению девочки.

— Хорошо, Дианочка, давай, действуй! — Только и сказала я.

Мы вместе вышли на балкон, и Дианка, как мартышка, перескочила через перегородку.

— Идите к двери, я сейчас вам открою. — Сказала девочка и скрылась в моей гостиной.

Я вышла в коридор и подошла к своей двери.

Обиженная Люся сидела на своём месте и вязала. Она даже голову не подняла, когда я вышла в коридор из номера Жанны.

Дианка быстро открыла дверь, и я ужом проскользнула к себе в номер.

— Ой, Дианочка, спасибо тебе, большое! — С запозданием стала я благодарить девочку, а она вся сияла от своей значимости, от того, что её поблагодарила чужая тётя, и не спешила уходить.

— Дианочка, тебе бы надо вернуться к бабушке. Она же волноваться будет, когда проснётся. — Сказала я девочке осторожно.

— А можно, я у вас посижу? Я боюсь.

— Чего ты боишься? Бабушка спит. Тебе бы лучше вернуться.

— Боюсь... — Упрямо повторила девочка, и, я её поняла. Она, в своей, ещё такой коротенькой жизни, никогда не видела ничего подобного. Случившееся потрясло и очень напугало её. Ей не хотелось ещё раз пережить подобное. Девочка по настоящему боялась остаться наедине с бабушкой. И я не отправила её, пожалела.

— Тогда ты посиди здесь и посмотри телевизор. Я быстро приведу себя в порядок, и мы пойдём к тебе вместе, хорошо?

— Да. — Коротко ответила бедняжка и принялась поудобнее устраиваться на диване. Телевизор не был выключен мною, когда я спешила на помощь Жанне, и Дианка с интересом листала программы.

Я быстро переоделась в более приличную одежду, причесалась и вышла в гостиную. Девочка с интересом смотрела мультик. Она сопереживала героям фильма. На лице её застыла улыбка. Дианка ничего не замечала вокруг. Она сейчас была главной героиней. Ничто не могло отвлечь её от этого занятия.

— Дианочка, я готова! — Объявила я в пустоту. — Пошли, посмотрим, как там бабушка себя чувствует.

Девочка, не отрываясь от просмотра, скривила губки и капризно спросила:

— Ой, тётя Маша, можно, я досмотрю? Так улётно! — И снова уставилась в экран телевизора.

Ну, что тут поделывать? Детство эгоистично, оно не считается со старостью, оно не умеет заботиться, оно требует к себе всё внимание и всю любовь без остатка. Мои внуки ничуть не лучше в этом отношении.

И я сдалась. Я села на диван рядом с Дианкой и задумалась.

Герои мультика пели весёлые песенки, их наизусть знала Дианка и подпевала героям, как могла. А я сидела с этой малышкой и думала, думала...

Вопросы, вопросы, их было множество. Почему, как, когда, что случилось, и так далее. На все эти вопросы ответы знала только Жанна, а мне приходилось бороться с последствиями нерешённых когда-то кем-то проблем.

Дианка взяла мою руку в свою, и бессознательно сжимала её. Девочке, видимо, казалось, что она защищена. Она уже считала меня своей защитой, а бабушка — там, за стеной. Её сейчас нет в измерении Дианки, и эти мультики — часть её крошечного, благополучного мирка — успокаивали её. Но надо было идти. Жанна в любой

момент могла проснуться и испугаться из-за отсутствия ребёнка.

Мультрики закончились. Дианка, как взрослая, выключила телевизор и с расстановкой сказала:

— Пошли, тётя Маша, я уже досмотрела. Этот пёс прикольный, добрый какой, волка в дом пустил! Мой папа тоже очень добрый. Он мне всё купит, что я захочу.

— А что ты хочешь? — Спросила я девочку.

— Хочу? Мороженого! Целую гору! Бабушка не купила, а папа бы купил целый торт мороженого!

— Зачем тебе столько? Ты же не сможешь это съесть.

— Так я бабушку угощу, и вас тоже. Будем праздновать.

Так, весело переговариваясь, мы перешли в номер Жанны. В номере было тихо, только часы тикали на журнальном столике. Взглянув на них, я поняла, что скоро ужин, и я знала, что этот ужин я разделю с Дианкой.

Послушает ли она меня? Как будет себя вести? Я её совсем не знаю — дошло до меня. С моими внуками не было бы никаких проблем, но эта разбалованная девочка не внушала мне особого доверия, а выбора у меня не было. Надо было дать Жанне отдышаться.

— Тётя Маша, я вас угощаю! — Дианка с трудом вытащила огромный кулёк, до верху набитый разнообразными конфетами и протянула его мне в открытом виде.

— Ого!.. — Только и смогла сказать я. От изумления у меня глаза на лоб выкатились. — Ничего себе!..

— Чего вы так вылупились на кулёк, как белочка на орешки? Вы что, конфет никогда не видели?

— Дианка, как ты поднимаешь такую тяжесть? Сколько тут конфет?

— Много, больше десяти килограммов. Это папа мне с собой дал!

— И ты это всё лопаешь бесконтрольно?

— Ага, и бабушке даю, только она не хочет, а вы берите. Я вам доверяю. — Торжественно объявила мне Дианка.

Теперь я поняла, почему Дианка ничего не ест. Она же конфетами уелась, поэтому и аппетит у девочки, напроць, отсутствует, и мне с ней никогда не справиться, если я не придумаю, как поступить, и придумать необходимо немедленно.

— Дианка, — строго сказала я, — ты со мной дружить хочешь?

— Так мы же друзья, как Мурзик и Шарик! — Весело сказала девочка.

— Если мы с тобой друзья, и ты обещаешь слушаться...

— Обещаю, обещаю, тётя Маша, чест-слово! — Весело перебила меня Дианка. — Вы такая клеевая!

— Где ты таких слов набралась? — Удивилась я.

— А у нас во дворе все так говорят... — Уже смущённо сказала Дианка.

«Ага, смущаешься, это уже хорошо, значит, дело пойдёт на лад!» — Подумала я и осуждающе покачала головой.

— Давай поиграем в банк, хорошо? — Уже вслух сказала я Дианке.

— А как это? — Изумлённо спросила девочка, и глаза её загорелись.

«Ага, заинтересовалась!» — подумала я, а вслух сказала:

— А вот так. Этот мешок — твоё богатство, поняла?

— Да...

— Его нельзя хранить дома, могут ограбить, поняла?

— Нет, не могут, мне папа дал. — Безапелляционно заявила девочка.

— Ну, мы же играем, как ты не понимаешь? Ограбят, если ты не сдашь своё богатство в банк.

— А я в милицию пожалуюсь!

— Пока ты будешь жаловаться, твоё богатство съедят, ты поняла?

— А что, милиция не поможет? — Разочарованно спросила Дианка.

— В твоём случае — нет. Очень дорогое богатство, очень вкусные конфеты. И милиция сладкое любит.

— Так, что, лучше в банк? — Приуныла девочка.

— Да, лучше — в банк. Я — твой банкир. Ты будешь заказывать определённые суммы конфет, а я тебе буду выдавать, ты поняла?

— Ага, и сами их лопать будете, завидно стало, что у меня такой кулёк, а у вас — нету!

— Нет, девочка моя, не завидно. Я твои конфеты есть не буду. Банкиры же не тратят чужие деньги, они их хранят, вот и я буду твои конфеты хранить. Я буду выдавать тебе зарплату, только выдавать буду после еды, потому, что сладкое перед обедом или ужином расслабляет, и тебя могут снова ограбить. Поняла?

Дианке игра понравилась, и она, на удивление, легко приняла мои условия.

— Значит так. — Продолжала я. — У бабушки денег на мороженое не канючить. У тебя будут свои деньги, на них и будешь покупать у бабушки копеечки на мороженое. Поняла? Три шоколадных

конфеты заработаешь, можешь у меня, или у бабушки купить на них пачку мороженого. Идёт?

— Замётано, начальник! Ой, не так сказала... — Потупилась Дианка.

— А сейчас, чтобы не было соблазна, понесли этот мешок с драгоценностями в банк. — Не обратила я внимания на высказывание Дианки.

— А это куда? — Удивилась девочка.

— Ко мне в номер. Там будет твой банк, а я буду твоим банкиром, и буду выдавать тебе заработную плату. Поняла?

— Поняла, поняла, это прикольно!

Мы взяли этот огромный кулёк сладостей и понесли ко мне в номер.

— Дианка, угости дежурную конфетами, она твою бабушку спасла. — Сказала я в коридоре девочке.

В холле сидела Люся, как приклеенная, на своём месте, смотрела телевизор и вязала. Она принципиально не смотрела в нашу сторону, и даже головы не подняла.

Мы поставили кулёк на пол, и Дианка обеими своими тоненькими ручками залезла в него по локти. Вытащив целую горсть разных конфет, девочка семенящими шажками побежала к столу дежурной.

— Спасибо вам, тётя, что вы мою бабушку спасли! — Рассыпался по холлу звонкий голосок Дианки.

Люся медленно подняла удивлённые глаза на девочку.

— Это что? — Мрачно спросила она, выставив указательный палец в сторону конфет.

— Это конфеты, вам! — Радостно объявила Дианка и побежала ко мне. Мы снова подняли этот тяжеленный мешок и затащили его ко мне в номер, уже не обращая внимания на реакцию дежурной.

И тут я растерялась. Куда мне поставить этот здоровенный кулище?! В такой же тумбочке, как в номере Жанны — моя косметика, которой, быть может, я даже не воспользуюсь ни разу за весь отпуск, в шкафу — моя обувь, в ванной комнате не поставишь, там откровенно сыро.

Пришлось вынимать из тумбочки всю косметику, переносить тюбики и флакончики в спальню и поставить их на подоконник. Получилось не очень аккуратно, зато надёжно. Теперь девочка сможет почувствовать голод. Не сразу, конечно, но со временем всё придёт в норму и аппетит у Дианки появится, я в этом была абсолютно уверена.

Но сейчас надо было объявить Дианке самое главное, иначе она будет шантажировать меня, а

устоять против натиска ребёнка бывает просто невозможно.

— Дианка, я тебя ещё и штрафовать буду. —
Объявила я.

Девочка в недоумении посмотрела на меня.

— За что? — Только и спросила она.

— За непослушание, за капризы, за жаргонные словечки, ну, в общем, за ненормальное поведение. Я очень строгий банкир.

— А — а — а! Мы так не договаривались! —
Закричала Дианка. — Это не честно!

Вот, я так и знала! Детские атаки я переношу плохо, я очень часто сдаюсь на их милость. Но сейчас надо выстоять, и никаких компромиссов.

— Дианочка, мы же играем! Старайся не проигрывать, вот и всё.

— А я не люблю проигрывать, я не играю, когда проигрываю! Не люблю мышиных хвостов!

— Чего не любишь? — Не поняла я.

— Мышиных хвостов! — Крикнула мне девочка, пытаясь поднять свои драгоценности.

— Это как? — Удивлённо спросила я, не сделав ни единой попытки ей препятствовать тащить свой кулёк.

— А вот так! — Принялась объяснять мне Дианка. — Один дядечка собрал урожай. А мыши этот урожай съели. Он попытался их поймать, а они, ну, эти мыши, откусили себе хвостики и

удрали. Вот, дядечка и остался без урожая и с мышинными хвостами. Я не хочу мышинных хвостов! — Резко сказала она.

— Ладно, что ж поделаешь, забирай свой мешок, только теперь — самовыносом.

— Ну, и ладно! — Рассердилась Дианка, и потащила свой кулище к выходу.

У порога она вдруг остановилась, оглянулась и с улыбкой сказала:

— Я сейчас отнесу домой свои драгоценности, а потом зайду за вами, и мы вместе пойдём ужинать.

За щекой у неё уже была конфета. Она говорила и шепелявила, переворачивая сладкое во рту. Я знала, что ужинать она уже не будет, но на ужин пойдёт, и будет сидеть за столом с кислой миной, ковыряя вилкой в предложенной ей вкусной еде. Я видела, что на девочку никто не сможет повлиять, у неё лишь папа в авторитете. Сломать её тип мышления было трудно, а Жанне почти невозможно. Дианка была слишком самовольной, вспыльчивой и нетерпимой к запретам, девочкой. Она по любому поводу закатывала истерики и, тем самым, добивалась всего, чего хотела. Отец ни в чём не отказывал ей. О маме своей девочка даже не вспоминала. Что-то не так было в этой семье.

Я молча наблюдала, как Дианка возится со своим кулищем сладостей, пытаюсь вытащить его из

моего номера, и молчала. А что я могла ей сказать? Я была ей совсем чужой, и посмела посягнуть на самое дорогое для неё — кулёк конфет. Если бы я забрала у неё книжки, она бы даже не пикнула, наоборот, радовалась бы несказанно, а, вот, конфеты были для неё огромной ценностью, и ничего поделаться с этим я не могла. Я лишь печально наблюдала за решительными действиями девочки.

— Так я сейчас за вами зайду, хорошо? — Как взрослая, уверенная в себе женщина, спросила меня Дианка.

— А что ты будешь делать в ресторане? Ты же кушать, всё равно, не будешь, так зачем на это время тратить? — Вопросом на вопрос ответила я.

Дианка опешила. Она стояла и смотрела на меня во все глаза, и не понимала, шучу я или нет. Но я не шутила. Я была серьёзной. Я серьёзно смотрела ей в глаза.

— Так бабушка же не пойдёт кушать, ей в номер принесут. — Резонно воскликнула Дианка.

— Бабушка не пойдёт, она больна, ей ходить нельзя. А ты, что ты там будешь делать? Продукты переводить?

— Кушать буду. — Упрямо сказала Дианка.

— Не будешь ты кушать. У тебя, вон, по две конфеты за каждой щекой. — С укором сказала я.

— Так я же их проглочу! — Вразумила меня, тёмную, девочка.

Необходимо было что-то изменить в её беспардонном поведении. И мне так неожиданно досталась эта роль, роль дуэньи. Мои близнецы подчинялись мне беспрекословно. У меня не было опыта общения с такими неуправляемыми детьми, но я должна была что-то изменить, иначе я не смогу управляться с этой маленькой врединой, которой всё позволено в этой жизни.

— Давай так, — сказала я строго, — ты забираешь свой мешок, и ходишь кушать сама.

— А вы? — Изумлённо спросила Дианка.

— И я пойду, только не с тобой. Не хочу с тобой идти. Я пойду ужинать, а ты — вилкой ковыряться в тарелке. Чувствуешь разницу? На тебя же смотреть неприятно! Ты мне только аппетит будешь портить.

— Ну и что? — Дианка никак не хотела понять, что так делать некрасиво. Её привело в изумление моё замечание, ведь она даже не могла подумать, что делает что-то не так. Ей просто никто не объяснял правил поведения за столом. Ей, кажется, вообще никто ничего не объяснял. Она росла сама по себе, лишь отец удовлетворял любое её желание. Желания ребёнка были ещё так малы, и вполне соизмеримы с его кошельком, почему бы, не побаловать такую крошку? Но сейчас девочка

попала совсем в другие условия. Здесь не было любящего папы, бабушка лежала за стеной с сердечным приступом, и никто, кроме меня не смог бы оказать Дианке никаких услуг. Инстинктивно девочка это понимала. Она панически боялась ссоры со мной. Я поняла это по её широко распахнутым, удивлённым, синим, как море глазам.

— Я попрошу, чтобы меня за другой столик пересадили. Очень неприятно смотреть, как ты кушаешь. — «Добила» я её.

Дианка выпрямилась и удивлённо смотрела на меня. Она молчала, лишь подбородок её предательски подёргивался, а огромные, синие как море глаза, медленно наполнялись слезами. Вот, уже одна слезинка покатилась по её миленькому личику, но она не плакала навзрыд, она стояла и молча смотрела на меня, а в глазах её бушевало отчаяние от бессилия что-либо изменить. Её кулёк с конфетами, как живое существо, давно прирученное ею, тяжело опирался о её тоненькие ножки, будто боялся потерять опору.

— Я, что, такая уродина? — Наконец спросила она, и заревела громко и протяжно, растирая слёзы по всему лицу.

У меня сердце сжалось в комочек от жалости, но жалеть я не имела права. Надо было, хоть таким способом, объяснить девочке её неправоту и

попытаться изменить хоть чуть-чуть её такой скверный характер. И я дала ей волю на страдания.

Дианка ревела долго и старательно, будто ожидала, что за её такую добросовестную работу она получит от меня вознаграждение. А мне необходимо было выдержать и не сметь жалеть её.

— И чего же ты ревьешь так добросовестно, тебе, что, за это деньги платят? — Спросила я девочку, когда она переводила дух, чтобы зареветь снова. Она мгновенно перестала плакать и уставилась на меня, не понимая, шучу я, или говорю серьезно. Увидев смешинки в моих глазах, она тут же отреагировала. Перестав плакать, она слегка улыбнулась мне, будто проверяла.

— Тётя Маша, я больше не буду. — Вдруг очень тихо сказала она, всхлипывая.

— Ты сейчас ничего плохого не сделала, не стоит извиняться. Но если бабушка слышала твой рёв, она может опять заболеть.

— А как же теперь? Вы же со мной дружить не хотите.

— Ты же сама не хочешь.

— Вы хотите банк? Вы хотите забрать у меня все конфеты?

— Нет, Дианочка, ты не поняла меня. Мне сладкого вообще нельзя кушать, твои конфеты у меня будут в полной сохранности. Можешь об этом не беспокоиться.

— А зачем тогда банк, если вы не будете их кушать? — Не понимала девочка.

— А затем, чтобы ты их не ела так много. Ты конфеты должна заслужить.

— Так, вот же они все, их не надо заслуживать. Мне их папа купил.

— Но твой папа не знал, что ты их будешь кушать всё время, не переставая, правда? А это очень вредно для здоровья, ты поняла меня?

— А в ресторане еда гадкая, я такого не люблю!

— Вот видишь, ты уже не можешь нормально питаться. Но еда там действительно вкусная, и ты можешь выбрать всё, что тебе понравится.

— Нет, не вкусная! — Упрямо сказала Дианка.

— Ну, тогда не ходи на ужин, кушай одни конфеты, тогда совсем заболеешь, в больницу попадёшь, там точно конфеты вообще запретят. И будешь питаться одной манной кашей.

— Фу, терпеть не могу манную кашу, она с пенкой!

— А что ты вообще любишь? Мне кажется, ты ничего из нормальной пищи есть не будешь, не сможешь.

— Я бабушкину еду люблю.

— Тут бабушка готовить тебе не сможет и надо уважать труд тех, кто тебя кормит. Вот ты

вырастешь, и тебе придётся готовить пищу, чтобы накормить своих деток. У тебя же будут когда-то детки.

— А мы с папой кухарку позовём, она нам еду сварит.

— А если твои детки откажутся кушать еду, которую сварит кухарка?

— Уволим и другую найдём — Деловито ответила Дианка.

— А самой слабо?

— Ну...

— Что, ну?

— Я не умею, я — маленькая.

— Ладно, давай собираться на ужин. Потом поговорим. Сейчас зайдём к бабушке, посмотрим, как она себя чувствует, и спустимся в ресторан. — Спокойно сказала я, будто и не было таких бурных объяснений между нами.

— Ага, а как с этим? — Спросила Дианка, указывая на кулёк с конфетами и радостно улыбаясь, ведь я позвала её с собой.

— А как хочешь. Твои конфеты, тебе и решать.

— А вы дружить со мной будете? — Спросила Дианка, с надеждой заглядывая мне в глаза.

— Если ты согласишься играть со мной в банк.

— Я согласная, только не забирайте все. Я буду слушаться.

— Я каждый день буду выдавать тебе столько, сколько нужно, а остальное должно лежать здесь. — Безжалостно заявила я ей.

— И вы ни одной конфеты не съедите? — Прищурилась с недоверием Дианка.

— Нет, я же тебе сказала: мне сладкого нельзя.

— Ладно, чтоб вы сдохли, я согласная... — С глубоким вздохом сказала девочка. — Забирайте моё богатство. — Будто обречённая, она пододвинула ко мне неподъёмный кулёк.

Я решила не испытывать выдержку ребёнка и определила её кулёк в такую же тумбочку, как и у них в номере. Да, мне пришлось потесниться, но для благой цели — не жалко, лишь бы помочь этому несмышлёнышу наладить питание.

По обоюдному согласию мы вытащили из кулька несколько конфет, я положила их в свою сумочку и мы вышли из моего номера.

Когда я открыла дверь номера Жанны, меня напугала звенящая тишина, царившая в нём. Я бросилась в спальню, но там было спокойно. На подоконнике играли с невидимой пылью лучики вечернего, нежаркого солнца. Жанна спала. Её спокойное, ровное дыхание придало мне уверенности в благополучном разрешении

проблемы, и я вышла из этой маленькой комнатушки со спокойной душой.

Дианка стояла рядом со мной, затаив дыхание. Её вопросительный взгляд будто просверливал меня насквозь.

— Ну, что? — Не удержалась она от вопроса.

— Полный порядок. Бабушка спит. —

Радостно сообщила я девочке.

— До сих пор?! А мы на пляж из-за неё не пошли. Теперь ей хорошо, а мне — плохо! Я в море не покупалась. — Раздражённо вскричала девочка.

— Дианка, бабушка заболела, ты это понимаешь?

— Папа говорит, что на ней пахать можно!

Я хотела сказать: «Дурак твой папа, а от дурасти нет лекарств. Это неизлечимо...» Но какое право я имею говорить такое ребёнку? Девочка, в общем-то, ни в чём не виновата, её так воспитывают, а она, как губка, мгновенно впитывает сначала и с удовольствием всю негативную информацию, а для позитивной, если место в её буйной головке останется.

— Дианка, если бы вдруг, не дай Бог, с тобой что-то плохое случилось, как ты думаешь, бабушка бы оставила тебя одну?

— А она обязана за мной ухаживать, ей папа приказал. — Зло ответила девочка.

Её жестокость к бабушке меня поразила. Я не верила своим ушам, я сравнивала её со своими близнецами. Сравнения не получалось. Ко мне дома так не относились. Даже мой бывший муж никогда не повышал на меня голос. А тут на лицо полное угнетение интересов старой женщины и никакой жалости, никакого сострадания нет, наоборот, досада, что заболела, злость, что не пошли на пляж и не искупались в море перед ужином.

— Прекрати сейчас же, ты бабушку разбудишь! — Строго потребовала я.

— Так она ж целый день продрыхла!

— Дианка, нельзя быть такой злой! Ты же любишь бабушку, ты же испугалась, когда ей плохо стало, так что же теперь случилось?!

— Мы на пляж из-за неё не попали!

— Знаешь, я, пожалуй, тебя сейчас накажу на три шоколадные конфеты за такое нечестное отношение к бабушке. — С этими словами я вытащила из сумочки три шоколадные конфеты и остановилась в нерешительности. Я не знала, куда их деть эти злосчастные конфеты. Не на стол же их положить!

Я подумала, вышла на балкон и бросила их в шезлонг, стоявший на моей половине балкона.

Со злым изумлением наблюдала за моими действиями Дианка. Когда я снова вошла в

комнату, она с негодованием посмотрела на меня и сердито сказала:

— Вы так всё у меня заберёте, ничего мне не оставите, а я очень люблю конфеты. За что вы их отняли сейчас у меня?!

Я понимала всю ответственность, лежавшую на мне в эти минуты. Если я сейчас не найду выхода из этой ситуации, я проиграла, и тогда моё воспитание полетит вверх тормашками. Дианка никогда не слушает меня, я перестану быть для неё авторитетом.

Я устало опустилась на диван и в упор посмотрела на девочку.

— Диана, я сейчас пойду в ресторан на ужин. После ужина я верну тебе все конфеты, до единой. Ты поняла? Сейчас уже нет времени возвращаться в мой номер, так что потерпи. Будь добра, подожди моего возвращения.

— А я? Я, что, не пойду на ужин?! — Взвизгнула девочка.

— Ты со мной не пойдёшь. Сама ты вольна делать всё, что тебе вздумается, а бабушке еду принесут в номер.

— А вы, что, меня с собой не возьмёте? — Как-то робко спросила девочка.

— Нет. — Коротко ответила я.

— А чего?!

— А того, что ты себя вести не умеешь, и мне будет очень стыдно, если ты выкинешь за ужином что-нибудь эдакое.

Дианка опустила голову и отвернулась. Она молча ковыряла стену и не собиралась со мной общаться.

Но я ошибалась, ошибалась! Она очень хотела идти со мной в ресторан, но моё категорическое «нет» остановило её.

Через мгновение она повернула ко мне такое детское и всё заплаканное личико. Её глаза были ещё синее и переполнены слезами.

— Тётя Маша! — Всхлипывая, позвала меня девочка.

Я повернула голову на её зов. Удивительно, но эта малышка плакала, как взрослая женщина. Она не кричала, не топала ногами, она тихо плакала, не надеясь на то, что её, быть может, пожалеют и простят.

— Тётечка Машечка, не бросайте меня, одинокую! — Взмолилась, всхлипывая, Дианка. — Я, чесслово, буду себя хорошо вести, я всё сделаю, как надо! Тётечка Машечка, не оставляйте меня одну здесь, я очень боюсь!

Она боялась одиночества, так коварно подкравшегося к ней. Она боялась больной бабушки, и своей непростительной грубостью и неоправданной жестокостью прикрывала свой

страх. Ведь любит же она свою бабушку! Я же сама видела, с какой любовью она держала за руку Жанну. Но почему к Жанне зять так несправедлив, и учит такому обращению с ней ребёнка?. Эта ситуация казалась мне чудовищной. Я не могла объяснить себе причину такого положения дел. И, в то же время, я понимала всю серьёзность положения, в котором очутилась Дианка.

Привыкшая к хорошему уходу, к качественной пище и к мгновенному удовлетворению её капризов, Дианка была сейчас не в своём маленьком, уютном мирке. Она была выбита из этого мирка жестокостью жизненной ситуации, и помочь ей не мог никто, кроме меня. И самым страшным было то, что она отлично понимала своё положение. Эта малышка знала, что она одинока сейчас, как никто другой, и отчаянно цеплялась за моё к ней отношение.

— Ладно, собирайся. — Примириительно сказала я.

— Вы меня с собой берёте? — Радостно вскрикнула Дианка.

— Быстрее, Диана, у нас не так много времени.

Девочка схватила гребень, бросила, схватила платице, развешенное на спинке стула в гостиной, бросила, встала на четвереньки и поползла в поисках чего-то мне не понятного.

— Что ты ищешь? — Спросила я.

— Мои красивые туфли. Они были здесь, а теперь их нет! Кто-то стырил.

— Но ты же обута! Никто не мог стырить твои туфли. Размерчик не подойдёт никому. У тебя же ножка маленькая. Потом найдёшь. Пошли на ужин.

— Нет, вы не понимаете, я хочу быть красивой! — В приступе возбуждения воскликнула девочка.

У меня защемило в груди от жалости к ней. Дианке очень хотелось мне понравиться, да, вот, бедняжка, красивые туфли потеряла.

— Дианка, одевай платьице, причешись, и пошли.

— Как вы не понимаете?! — Горестно всплеснула руками Дианка. — Я не могу пойти с вами в ресторан. Мои сабо не подойдут к такому красивому платью. Мне мама объясняла. Тут только туфли нужны. — Как взрослая, сказала девочка.

— Давай, я тебя причешу. — Предложила я, чтобы как-то успокоить её.

Дианка тут же с готовностью протянула мне гребень и послушно села на пол у моих ног.

«Удивительный ребёнок! — Думала я. — Капризная, взбаламошная, упрямая, но, когда необходимо, собирается в комочек и выполняет всё, что от неё требуется».

Я взяла гребень из рук девочки, быстро причесала её, завязав один хвост почти на макушке. Взяла какой-то шарфик, валявшийся бесхозно на полу и перевязала им завязанный мною хвост. Получилось довольно эффектно. Дианка радостно запрыгала у зеркала. Ей очень понравилась её новая причёска.

— Скорее одевай своё красивое! — Скомандовала я.

Дианка вопросительно взглянула на меня, потом на свои ноги. Я подмигнула и указала глазами на платье. В мгновение ока эта красота уже была на ней, и она снова принялась вертеться у зеркала.

— Диана, вон, посмотри, под телевизором, мне кажется, там твои туфли! Скорее, девочка, мы опаздываем на бал! — Подгоняла я её.

И вот, Дианка красивая, причёсанная, степенно идёт со мной в ресторан на ужин. Девочка смотрит на меня, как на божество и старается скопировать каждое моё движение.

«Она так хочет быть взрослой! — Печально подумала я, наблюдая за радостной вознёй этой маленькой модницы. — Все маленькие спешат повзрослеть, а нам уже некуда торопиться...»

Мы с Дианкой важно вошли в зал ресторана. В зале царил лёгкий полумрак, а сам зал был как-то

по-особому украшен. Из-за опущенных штор пробивались любопытные лучики вечернего, но ещё довольно жаркого солнца. Откуда-то из глубины зала лились звуки чарующей музыки. Эта волшебная атмосфера спокойствия меня покорила, душу заполнил восторг, а на глаза навернулись слёзы умиления, пока мы шли к нашему столику. Но и тут Дианка не дала расслабиться.

— О, уже играют эти придурки! — Довольно громко сказала она.

— Что? — Не поняла я, так как была полностью поглощена, происходящим в зале, действием.

— Говорю, опять эти придурки будут аппетит портить весь ужин!

— Диана, ты о чём? Я не понимаю, что тебя смущает. — Как можно, более сдержанно, спросила я у девочки.

— Да, вон, сидят, как обезьяны, и играют целый вечер на разных скрипках! — Дианка откровенно указала пальцем в глубь зала, и я увидела троих музыкантов на небольшом помосте. Это они воспроизводили такие чарующие звуки, и эта музыка завораживала, умиляла, заставляла плакать или смеяться.

— Диана, а тебе музыка не нравится?

— Не-е! Мне тоже папа скрипку купил, так у меня она поломалась. Я смычком стрельнула, как в «Весёлых ребятах», помните?

— Эту сцену помнит весь Советский Союз! — Весело рассмеялась я.

Так, весело болтая, ни о чём, мы подошли к своему столику, на котором нас уже поджидали холодные закуски и напитки.

К нам тут же подошла девушка официантка и с приветливой улыбкой протянула мне меню.

— А мне почему не дали такой папки? Я тоже хочу! — Громко вскричала Дианка.

Многие, сидевшие за соседними столиками, отдыхающие повернулись в нашу сторону, и мне пришлось мило улыбаться им.

— Дианочка, нам достаточно одного меню. Я тебе быстренько прочту, и мы выберем тебе что-нибудь вкусное на ужин. — Попыталась я успокоить девочку.

— Нет, я сама хочу читать! — Упрямо выкрикнула Дианка.

Девушка официантка виновато улыбнулась мне, наклонилась к соседнему столику, взяла там папку-меню и протянула её вредной девчонке.

Дианка по хозяйски отодвинула в сторону все, поставленные на стол блюда, при этом чуть не свалив на пол всю сервировку стола, и деловито разложила перед собой папку-меню.

— Ты сможешь прочесть, что там написано? — С интересом спросила я.

— Конечно! — Уверенно ответила Дианка и углубилась в чтение фолианта.

Я сделала заказ и стала наблюдать за действиями девочки. Она водила пальцем по строчкам, и что-то бубнила себе под нос. Ни единого слова невозможно было разобрать. Девушка официантка терпеливо ожидала её ответ.

— Так что же мы всё-таки закажем, юная леди? — Устав ждать, учтиво склонилась над ней девушка официантка.

Дианка стушевалась. Она не смогла прочесть ни одного слова, и от этого ей было неловко, но она вышла из затруднительного положения с достоинством королевы.

— Принесите мне то, что заказала эта дама! — Важно сказала Дианка через минуту замешательства, указывая на меня.

— Мясо по-французски, овощное рагу и пирожное к чаю. — Прочитала официантка мой заказ.

— Мясо не обязательно по-французски, можно и по-русски, а всё остальное — правильно! — Одобрив вредина мой заказ с важным видом.

Официантка перевела взгляд на меня, я утвердительно кивнула, и девушка, подавив смешок, удалилась с нашими заказами.

В ожидании горячего блюда, я предложила Дианке холодные закуски и очень вкусный напиток из кувшина, стоявшего тут же, на столе.

Дианка взглянула на меня вопросительно и потянула к себе тарелку с холодной закуской. Девочка принялась внимательнейшим образом изучать содержимое тарелки. Это были всего лишь свежие, мелко нарезанные, овощи, политые каким-то соблазнительным соусом.

Дианка выковыряла из тарелки кусочек помидора, брезгливо взяла его двумя пальцами и посмотрела через него, как через увеличительное стекло, на окружающий мир, не забыв, при этом, скривить отвратительную гримасу на своём симпатичном личике.

— Это что, можно кушать? — Спросила она громко, гадливо морщась.

— Ты даже не попробовала, а уже скривилась, будто лимона объелась. Попробуй, тебе понравится. Ведь вкусно же! — Сказала я.

— Нет, это — гадость. Я такого не люблю! Мне не нравится, как оно воняет. — Капризно захныкала Дианка, продолжая ковыряться всеми десятью пальцами в тарелке.

— Скажи мне, Диана, зачем ты лезешь пальцами в тарелку, тебе, что, вилкой неудобно кушать?

Дианка пытливо посмотрела на меня, но промолчала и пальцы из тарелки вытащила. Теперь Дианка принялась облизывать руки, да с таким причмоком, что некоторые отдыхающие стали оборачиваться на наш столик.

Мне было не по себе, но я понимала, что девочка делает это бессознательно, совершенно не задумываясь о красоте своих действий, и я ей не мешала, только многозначительные улыбки окружающих смущали меня. Её же ничто не заботило.

— Диана, прекрати облизывать руки. — Наконец не выдержала я. — Ты же не кошка! Вот, есть салфетка, вытри об неё руки.

Девочке моё предложение понравилось, она хотела избавиться от липкости рук, и не знала, как это сделать, а идти в туалетную комнату ей было откровенно лень. Поэтому она тут же схватила белоснежную, накрахмаленную до треска, стоящую домиком салфетку и принялась её безжалостно комкать.

— Вот, умница. — Поощрила я её действия. — Теперь сложи аккуратно салфетку и положи её рядом с собой, она тебе ещё пригодится.

— Она же уже грязная! — Брезгливо взвизгнула Дианка.

— Ты сложи салфетку рядом с собой. Она тебе не помешает. — Предложила я Дианке.

Девочка послушно принялась складывать салфетку, но у неё ничего не получалось. Накрахмаленная ткань никак не хотела складываться так, как это делала Дианка и принимала своё положение на столе, несмотря на старания девочки аккуратно уложить на столе этот предмет сервировки.

— Противная салфетка, я её выброшу! — Раздражённо прорычала Дианка.

Я спокойно взяла из рук Дианки злосчастную, замученную салфетку и аккуратно сложила её на край стола, рядом с тарелкой Дианки.

— Не хочешь кушать — не ешь, только не кривляйся. Смотри, вон, люди на тебя смотрят. Ну, что, за цирк ты устроила?! Ты некрасиво себя ведёшь за столом. Мне очень стыдно за тебя. — Строго сказала я девочке.

— И вы заставлять меня не будете?! — Недоверчиво прищурилась Дианка.

Ага, она специально вела себя так, чтобы её не заставляли есть. Ну, что ж, пусть поступает так, как ей хочется. Это только сегодня, завтра будет по-другому.

— Не буду. Но помни, что каждое, не съеденное тобой, блюдо будет стоить тебе одну конфету.

Дианка изумлённо-возмущённо посмотрела на меня. Видимо она не планировала ужинать вообще. Ей хватало конфет. Такой ужин более импонировал ей. Но я расстроила все планы сладёны, а подстроиться под мои требования она ещё не могла, не успела. Назревала революция.

— Так вы, что, не дадите мне ни одной конфеты после ужина? — Возмущённо вскричала она.

— Не дам, если ты ничего не скушаешь. — Как можно спокойнее сказала я.

Я предвидела, что мне придётся перенести взрыв возмущения Дианки. Она никак не могла отказаться от конфет, так хитро забранных у неё, но то, что произошло, никак не входило в мои планы. Я даже представить не могла, что попаду в такое неловкое, даже дурацкое, положение из-за этой маленькой капризницы.

Подошла официантка с подносом горячих блюд и прервала готовящееся возмущение Дианки. Девушка поставила две тарелки с мясом по-французски на наш столик. Дианка попыталась пододвинуть к себе обе тарелки.

— Ты, что, обе порции скушаешь? — Удивилась я.

— Нет, я померяю, какая больше.

С этими словами она положила свою ладошку на аппетитный, ароматно дымящийся кусок мяса. Соус просочился через её пальцы на тыльную сторону руки, как коровий кизяк.

— Ой, горячо!!! — Завизжала она, отдёргивая руку и стряхивая с неё соус в окружающее пространство.

Я быстро выхватила свою тарелку и отодвинула добычу на другой край стола. Туда, где её не смогла бы достать Дианка.

Люди снова начали оглядываться на нас, но прекратить это безобразие было не в моих силах.

— Вы — хитренькая, забрали у меня тарелку, я даже не померяла! — Завизжала вредина. — У вас меньше, я видела! — Со слезами на глазах кричала она.

— Диана, прекрати безобразничать! Вытри руки салфеткой и приступай к еде. — Сказала я девочке довольно строго, но спокойно.

В это время принесли рагу из овощей, и официантка выставила ещё две тарелки с рагу на наш столик.

Тут я опередила Дианку и сама расставила тарелки по местам.

— У меня опять больше! — С обидой закричала девочка.

— Давай, я отсыплю из твоей тарелки, в свою, немного рагу, и ты скушаешь остальное. — Пошла я на компромисс.

— А конфеты?! — Не унималась Дианка, вытирая руки о, потерявшую свой первоначальный вид, салфетку, и размазывая соус по скатерти.

— Конфеты будут, если ты всё съешь. И прекрати пачкать скатерть, у тебя же салфетка есть. — Строго сказала я.

— Я такого не люблю! — Захныкала Дианка, тыкая пальцем в дымящийся кусок мяса.

— Хорошо, — смягчилась я, — тогда ежь рагу.

Дианка положила несколько кусочков в рот, воткнула вилку под горку рагу, и, закинув руки за голову, изо всех сил потянулась.

— О-о-х-х! — Простонала она, выражая, таким образом, протест.

Потом всё произошло так быстро, что я, открыв рот для принятия очередной порции пищи, так и осталась сидеть с открытым ртом.

Дианка, как пружинка выпрямилась и с силой опустила руки на колени, задев при этом вилку, нахально торчавшую, из-под горки рагу.

Озорная вилка с половиной порции злосчастливого рагу подлетела под потолок, повернулась несколько раз в воздухе, разбрызгивая по сторонам всё, что на неё нанизалось, и полетела

куда-то в зал, за несколько столиков от нас, щедро рассыпая остатки рагу по сторонам.

В этот момент прекратилась музыка, всё смолкло, сказка рассеялась, и мне захотелось стать обладательницей шапки-невидимки, или удрать отсюда, куда глаза глядят.

Какой-то мужчина с орденом из рагу от Дианы на чистой футболке, подскочил к нашему столику с воплями.

— Воспитывать детей надо, мамаша! — Заорал он. — Чего рот раскрыла?! Чёрт знает, что такое!

Я не могла опомниться от выходки Дианки, потому и не могла закрыть рот. Я никогда в своей жизни не попадала в более дурацкую ситуацию. А Дианка сидела на стуле, сжавшись в комочек, и, испуганно моргая, ещё больше посиневшими глазами смотрела на орущего мужчину.

Он был высок, грузен, немного седоват, но седина украшала его. Даже, искривлённое негодованием, лицо было красиво.

Подбежала женщина из-за другого соседнего столика. У неё в волосах нахально торчал кусок морковки. От злости она этого не замечала.

— Женщина, если ваша дочь настолько неуравновешенна, не водите её в ресторан, заказывайте еду в номер. Это же безобразие! Ладно, вести себя не умеет, так ещё и хулиганит!

Я была настолько ошарашена таким поворотом событий, что не могла найти слов для объяснения с разъярёнными отдыхающими. Кино, да и только, а мы с Дианкой — главные героини!

— Давайте, я вам в номер отправлю ваш заказ. — Предложила подбежавшая на шум официантка. Я была ей несказанно благодарна за предложенную помощь и спасение.

— Да, да, лучше в номер. — Ни к кому не обращаясь, и, одновременно, умоляя всех простить Дианке её глупую выходку, сказала я. — Простите нас, девочка не хотела никому причинить неудобство. Она нечаянно... — Сказала я, опустив глаза.

А Дианка сидела маленьким комочком и тоже мечтала стать невидимкой, потому, что все ополчились против неё и кричали на меня.

И мне ничего не оставалось, как взять возмутительницу спокойствия за перепачканную в соусах руку, и потащить её вон из зала ресторана. Нас провожал возмущённый гул голосов отдыхающих.

До номера Жанны мы дошли молча. Я крепко держала за руку Дианку-хулиганку. Я готова была прибить это несчастное существо. А она и не пыталась освободиться от меня, послушно шла

рядом и молчала. Мне казалось, что она понимает, что натворила.

В холле Люси не было на месте, и мы, как два опытных взломщика, взяли ключи и, незамеченными никем, прошмыгнули в номер Жанны. Я вздохнула с облегчением, когда за нами закрылась дверь.

— Дианка! — Вдруг услышали мы требовательный голос Жанны.

— Это мы, бабушечка! Мы с тётёй Машей решили ужинать в номере вместе с тобой. — Дианка отвечала бабушке и с мольбой смотрела на меня. Я поняла, что не имею права рассказывать Жанне о конфузе, случившемся в ресторане, и промолчала.

— Зайдите сюда, мои дорогие! — Слабым голосом позвала нас Жанна.

— Сейчас, сейчас, бабушечка, мы к тебе придём. — Закричала Дианка и вопросительно посмотрела на меня.

Странно, но на её красивом платье не было ни одного пятнышка, и это было особенно удивительно после того, что произошло в ресторане. Мне казалось это невозможным, и крайне поразило меня, но я постаралась не подать виду.

— Иди сейчас же в ванную комнату, вымой руки с мылом, а потом зайдёшь к бабушке. Поняла? Если сделаешь всё правильно, я ничего не скажу ей. — Шантажировала я девочку.

Дианка без лишних пререканий побежала в заданном направлении, и я тут же услышала шум льющейся воды. Я была просто уверена, что сейчас Дианка сделает всё правильно, и зайдёт в комнату к Жанне с чисто вымытыми руками и сияющим личиком.

Я не стала контролировать девочку и заглянула в спальню, не дожидаясь Дианки, улыбнувшись бедной женщине с порога.

— Как ты себя чувствуешь? — Спросила я.

— Ох, выпалась! Спасибо тебе за Дианку. Чем я тебе отблагодарю за помощь?!

— Не дури, нам было очень интересно вдвоём, Жаль, что тебя с нами не было.

— Я завтра уже буду на ногах! — С готовностью воскликнула Жанна.

— Нет, ты уж полежи, сколько надо. За Дианку не беспокойся. Мы с ней управимся сами.

— Спасибо! Вы уже кушали?

— Нет, мы решили, что закажем ужин в номер, вместе интереснее, и ты переживать не будешь, не возражаешь?

Жанна обрадовано закивала головой, не в силах справиться со своими чувствами. В глазах у неё блеснули слёзы благодарности.

И что человеку надо для полного счастья? — Сопереживание!

Знала бы она, почему мы еду заказали в номер, у неё бы снова разыгрался сердечный приступ. А так и ей хорошо, и нам приятно!

— Прекрати реветь! Неужели тебе не хотелось поужинать с нами?

— Как хорошо, что ты приехала! — Счастливо воскликнула Жанна.

— Не дури! — Повторила я и оглянулась. На пороге спальни стояла, сияя чистотой, Дианка.

— Ой, внучечка! Ты хоть слушалась тётю Машу?

— Она у тебя замечательная девочка! — Поспешила я заверить больную и тут же поймала благодарный взгляд Дианки.

Раздавшийся стук в дверь прервал нашу милую беседу. Дианка понеслась открывать.

— Правда, же, у меня замечательная внучка?! — Восторженно переспросила Жанна.

— Она очаровательная! — Ответила я и выглянула в гостиную, чтобы скрыть досаду.

Та же официантка, обслуживавшая нас в ресторане, вкатила в номер столик на колёсиках, накрытый заново на три персоны.

— Вот ваш заказ. — Сказала она. — Располагайтесь поудобнее.

Дианка дёрнула девушку за подол платья и приложила палец к губам. Мы переглянулись с девушкой и улыбнулись друг другу. Мы с ней, как никто другой, понимали причину такого поведения девочки.

Наш ужин прошёл весело и непринуждённо. Дианка была, как шёлковая, она лишь с опаской поглядывала на меня, видно, боялась, что я могу нечаянно проговориться Жанне о том, что случилось в ресторане. Но я молчала.

Мы болтали о всяких пустяках, весело болтали, смеялись, подшучивали друг над другом, и я была приятно удивлена тем, что Дианка постаралась быть очень аккуратной и съесть весь ужин. Она отказалась лишь от чая с пирожным, и это была моя первая победа.

Это достижение было из области невероятного. Жанна, ничего не понимая, но с огромной любовью, смотрела на своё чадо и не могла нарадоваться.

— Всё, больше не могу... — Прокряхтела девочка и развалилась в кресле. — Больше не вмещается... Нажралась...

— Вот и славненько! — Запричитала Жанна. — Это первый раз, чтобы она так поела. Что

ты с ней сделала? — Обратилась она ко мне с некоторым недоверием.

— Нет, это я сама! — Простонала Дианка. — Теперь у меня живот болит! О-о-х!

— Ты мне подарочек хотела сделать, да, моя сладенькая?! Вопросила Жанна внучку и хотела её поцеловать, но Дианка, необычно для себя переполненная едой, отстранилась от бабушки и с брезгливостью сказала:

— Бабушка, не напоминай мне о сладком, меня тошнить начнёт!

— Не буду, не буду, моя золотая! Это тётя Маша что-то с тобой сделала!

Дианка подозрительно покосилась в мою сторону, но, не заметив ничего обличающего меня, удовлетворённо икнув, сказала:

— Никто со мной ничего не делал, я сама знаю, что уже повзрослела. — Важно сказала Дианка.

подавив улыбку, я отвернулась к окну. Южный вечер убаюкивал солнце, укладывая его за море спать. До заката оставалось не много времени. Природа была готова встретить красавицу-ночь.

— Давайте посмотрим телевизор, а то шевелиться тяжело, нажрались от пуза! — Тяжело вздохнула Дианка.

Я оставила своих новых друзей у телевизора, а сама решила пройтись перед сном, снять напряжение сегодняшнего дня.

Закатное солнце ласкало разморенную за день землю утомлёнными лучами. Было тихо. Ветер, тоже уставший за день, дремал где-то над водной гладью. Шум волн был тише, чем утром. Одурающее пахло морской волной и ещё чем-то незнакомым. Этот воздух хотелось вдыхать полной грудью, не останавливаясь ни на секунду.

Я задумалась. Куда же мне идти? Я никогда одна не гуляла. Идти никуда не хотелось, и в номере в такой вечер не усидишь. Где-то задорно играла музыка, будто маня туда, в глубь парка.

Ни о чём больше не думая, я шла по дорожке и разглядывала окрестности.

Наш отель стоял на самом берегу и был окружён чудесным парком. Сам парк был необъятен, но часть его была огорожена и примыкала к зданию отеля. Здесь было тихо и уединённо. Несколько скамеек, умело расположенных среди роскошного кустарника, были пусты. Только цикады не умолкали, устроив такую симфонию, что звук их оркестра резал слух.

Я прошлась по аллее, бегущей вокруг здания самого отеля, и решила посмотреть, что же находится там, за оградой.

Казалось, парку не будет конца и можно заблудиться в этом дивном лесу. Я шла по ухоженной аллее на звуки музыки, доносившиеся с другого конца этого волшебного рая.

Я поняла, что вышла на главную аллею парка, потому, что на встречу мне стали попадаться ларьки-палатки со всякой южной мишурой, и чем дальше я шла, тем больше становилось этих палаток. Тут были и поделки из ракушек, и деревянные изделия, и бусы, разные, на любой вкус. То тут, то там продавали мороженое, чебуреки, самсу, воду и сладости. Несколько точек караоке приглашали народ облегчить душу и спеть под аплодисменты любую песню на выбор. Фотографы ловили добычу, предлагая свои услуги. Можно было сфотографироваться у стендов с прорезями для голов, или с экзотическими животными.

Меня обогнала молодая пара. Девушка подскочила к одному из фотографов, ожидающих свою жертву, и весело закричала:

— Сделайте мне фото с обезьянкой!

— К сожалению, у меня нет обезьянки. Я могу сфотографировать вас на фоне скал или моря. Получится отличный снимок в лучах заходящего солнца на память. — Изгалялся фотограф, пытаюсь заинтересовать девушку.

— У меня своя обезьянка! Вот она! — С этими словами она бросилась в объятия к парню. А тот, глупо улыбаясь, согласно кивнул, и вся группка ушла куда-то в сторону берега, поближе к морю.

Мне стало весело от непосредственности юной жрицы любви. Проводив эту весёлую компанию взглядом, я снова медленно двинулась в сторону центра парка, где звучала музыка. Гулять понравилось, в отель не тянуло.

А музыка звучала где-то совсем рядом, и там царило веселье. Меня очень заинтересовал этот концерт на невидимой сцене.

— Гуляете? — Вдруг услышала я чей-то голос, раздавшийся рядом со мной — А где же ваша озорница-дочь?

Я обернулась и носом к носу столкнулась с мужчиной из ресторана, которому Дианка навесила овощной орден.

— Моя дочь уже взрослая женщина. Со мной была чужая девочка. — Я, будто оправдывалась перед этим незнакомым мне красавцем.

Он шёл рядом и с интересом разглядывал меня. В глазах его светились лукавые искорки, но лицо казалось серьёзным.

Я, в свою очередь, стала разглядывать его.

Благородная седина предательски раскрасила его виски. Морщинки у глаз говорили о его доброте и покладистости, но волевой подбородок и упрямая

складка у рта свидетельствовали о немного других чертах характера этого человека. Я видела сегодня этого человека в ярости, которую мастерски постаралась спровоцировать Дианка. Он был довольно грузен, но движения его были мягки и плавны, как у кота.

«Мартовский кот собственной персоной» — зло подумала я.

— Как вам у нас нравится? — Спросил он, заглядывая мне в глаза.

— Ещё не определилась, я только сегодня утром сюда приехала.

— Ну, тогда вы ничего здесь не знаете. Могу провести экскурсию.

— Нет, спасибо. Предпочитаю самостоятельно познавать окружающую среду. — Отрезала я, пресекая его назойливость.

Он оставил меня так же внезапно, как и появился в моём поле зрения. Прекратил разговор и отошёл к одному из ларьков.

Я не то облегчённо, не то с досадой вздохнула и пошла дальше по своему, заранее намеченному, маршруту. Любопытство подгоняло меня. Хотелось стать участником-зрителем того концерта, что звучал из глубины парка.

Я шла вперёд, то и дело останавливаясь у ларьков. Мне было интересно рассматривать товары, предложенные там на продажу. Денег у

меня не было, и купить я ничего не могла, но приятно было потрогать всё своими руками, перебраться парой слов с продавцами, узнать цены, поторговаться.

В конце концов, я устала от пестроты, окружавшего меня мира, и пошла вперёд, туда, где так задорно звучала музыка.

Я незаметно подошла к центру парка и неожиданно для самой себя, обнаружила там большую танцплощадку.

Большой, заасфальтированный участок парка был окружён скамейками, повернутыми внутрь образовавшегося круга, по середине которого возвышался импровизированный помост. Этот помост играл роль сцены, на которой находился небольшой оркестр, игравший знакомые мелодии, а песни, под его аккомпанемент, пели отдыхающие.

Живое караоке! Такого я нигде не встречала! Как интересно было наблюдать за этим действием! Тут даже денег не надо было платить за своё пение, только вход был платным. Кто танцевал, тот и пел.

Под это пение неизвестных певцов люди танцевали, и многие подпевали поющему. Решусь ли я когда-нибудь выйти на середину этого круга и запеть? А как хочется!

Пение периодически прерывал тамада, предлагая играть в различные игры, и народ с удовольствием подхватывал его инициативу.

Сколько было смеха! Уйти отсюда было невозможно, тянуло в круг, но денег не было! Я стояла за пределами этого волшебного круга и, неожиданно для себя, тоже подпевала каждому новому исполнителю и пританцовывала мимо воли.

— Может, зайдём в середину круга? — Вдруг услышала я знакомый голос рядом с собой.

Обернувшись, я нос к носу столкнулась с новым знакомым. С доброй улыбкой на красивом лице он склонился ко мне, приглашая принять его предложение.

— Нет, извините. — Улыбнулась я ему в ответ. — Я уж и забыла, когда пела и танцевала. Это было сто лет назад и только что, тут.

— Тогда вы хорошо сохранились. — Пошутил он. — Давайте попробуем повторить то, что вы делали сто лет назад.

— Нет, извините, я не могу. — Сказала я как можно твёрже.

— Знаете, я сегодня отдыхаю, а завтра утром уже буду далеко отсюда. Приеду только через несколько дней — очень напряжённый график. Прошу вас, составьте мне компанию, давайте, зайдём в круг и потанцуем. Я вас проведу бесплатно, тем более, что я вас сегодня обидел.

Не слушая моих возражений, он взял меня под руку и, слегка подталкивая, повёл к входу на эту импровизированную танцплощадку.

Оркестр исполнял «Лаванду». Девушка, из отдыхающих, с чувством пела, подражая Софии Ротару — получалось довольно похоже. Я даже глазами стала искать знаменитую певицу.

Люди поднимались со скамеек и шли в круг танцевать. Многие подпевали.

Мой кавалер, действительно, провёл меня внутрь танцплощадки бесплатно. Мы вошли в круг и начали свой первый танец.

— Вам придётся спеть. Все, кто здесь танцует, обязаны спеть хоть одну песню. — Сказал он мне на ухо.

— Нет, что вы, я петь не буду. — Испугалась я, и он от души расхохотался. Видимо, вид у меня был перепуганный, и это его забавляло.

— А я иногда здесь пою, когда есть настроение. — Сказал он отсмеявшись.

Надо отдать ему должное, за время танца он ни разу не сбился, ни разу не оступился, вёл меня под музыку плавно, осторожно, не давая никому меня толкнуть. Он очень старался сделать этот танец приятным для нас обоих.

Песня закончилась, и танцующие разошлись в стороны, уступая место для желающих принять

участие в очередной игре, которую бойко объявил ведущий программы.

Я присела на скамейку, он удобно уселся со мною рядом и с интересом наблюдал за происходящим на танцплощадке.

— Вы не хотите поиграть? Вдруг спросил он.

— Нет, что вы! — Испугалась я. — И, потом, я устала. Я ведь только сегодня утром приехала. Честное слово очень устала!

В ответ он улыбнулся, но петь и принимать участие в игре предлагать перестал. Мы молча наблюдали — с каким удовольствием играли люди в весёлую игру, предложенную ведущим. Им было весело, интересно, а победитель получил приз — лохматого медведя величиной с большую собаку.

И, вдруг, я, в самом деле, почувствовала усталость. Будто, налитые тяжёлым свинцом, опускались веки. Ноги отяжелели, ими не хотелось переступать, руки, как плети, вяло покоились на коленях. Мне, просто откровенно захотелось спать. Он, будто, почувствовал моё состояние.

— Если вам здесь не нравится, я с удовольствием провожу вас, куда прикажете. — Мягко сказал он.

— Знаете, мне здесь, действительно нравится, только, я очень устала. Столько событий произошло за этот день!

И я принялась рассказывать совершенно незнакомому человеку о событиях сегодняшнего дня. Я чувствовала его тёплое к себе отношение, даже, какое-то сострадание, и мне захотелось выложить ему всё, что меня мучило сегодня.

Он слушал внимательно, участливо кивая головой. Он понимал меня, и мне это imponировало.

— Простите мне мою несдержанность. — Вдруг тихо сказал он. — Я не знал, что ребёнок не ваш.

Я удивлённо взглянула на него, совсем не понимая, о чём он говорит.

— Ну, там, в ресторане, я накричал на вас. Это не правильно. Я не должен был срываться. Ещё раз прошу, извините меня. — Грустно сказал он.

Я внимательно посмотрела на него. В сгущавшихся сумерках его лицо казалось неестественно красивым и молодым. Я видела, что он искренне раскаивается, но и не думала сердиться. Любой, на его месте, поступил бы так же. Я сама бы возмутилась, получив отметину из остатков ужина на своём платье.

— Не переживайте по этому поводу. Я сама не знаю, как бы я повела себя, окажись я на вашем месте. Вы там, в ресторане, правильно возмутились. Но сейчас я чертовски устала. Мне надо отдохнуть.

Проводите меня до отеля, чтобы я не заплутала в этом парке.

— Ладно, замнём для ясности. — Спокойно подытожил он — Вы хотите уйти отсюда? — Спросил он через какое-то время, будто подтверждая свои догадки.

Я молча кивнула и мы, не сговариваясь, дружно поднялись со скамейки, так заботливо приютившей нас на некоторое время, и вышли из круга танцплощадки.

— Я провожу вас до отеля. — Сказал он, озвучивая уже принятое им решение.

Я не возражала. Мне было приятно общение с этим мужчиной.

Мы медленно шли по центральной аллее парка в сторону отеля. Ларёчники заканчивали свою работу, упаковывали свои товары в большие картонные коробки и просторные сумки. Меня они больше не интересовали. Купить я ничего не могла, а посмотрела практически всё, что меня интересовало, поэтому я не обращала внимания на их вечную возню.

— Прошу вас, подождите меня немножко. — Вдруг обратился ко мне мой спутник, аккуратно придерживая меня за локоть. — Я дам ребятам некоторые распоряжения. Они должны завтра правильно оформить новую поставку товара, а то потом с налоговиками трудно будет договориться.

Он предложил мне присесть на свободную скамейку под развесистым клёном. Рядом со скамейкой горел фонарь. Тучи мошкеры роились в его лучах, и я с интересом наблюдала этот вальс обезумевших мошек, поджидая своего кавалера.

Сонное состояние не проходило. Усталость чувствовалась во всём теле. Появилось огромное желание удрать, но что-то удерживало меня на месте, что-то не давало нарушить эту тонюсенькую ниточку, связавшую сейчас меня с новым знакомым.

Он нравился мне всё больше и больше. Я не знала, кто он. Он даже не представился мне, не спросил, как меня зовут, но создавалось впечатление единого целого. Казалось, будто, мы знакомы уже вечность, а всё остальное просто не имело никакого значения.

Я наблюдала, как он бойко ведёт беседу с ларёчниками, что-то им терпеливо объясняет, а те согласно, с каким-то подобострастием кивают головами в знак согласия.

Но вот мой знакомый подошёл к другому ларьку, где продавцом была высокая черноволосая девушка. Он начал и ей что-то терпеливо объяснять, но та стала упираться, тогда он стал резким, принялся отчитывать её. Девушка заплакала, уткнувшись в коробку с товаром, которую только что запаковала и с обречённым

видом мученицы слушала наставления, как я поняла, своего начальника.

Закончив разговор с девушкой продавцом, он резко повернулся и пошёл прочь от неё.

— Михаил Юрьевич! Простите меня, я сделаю так, как вы хотите, только не увольняйте меня! — Крикнула ему вслед девушка, но он даже не замедлил шаг.

Широко ступая, он шёл в мою сторону. Я видела, что настроение его совсем испорчено. Он изо всех сил пытался успокоиться, но это ему удавалось с трудом.

У скамейки, на которой сидела я, он вдруг резко затормозил и молча сел рядом. Через минуту к нему подскочила девушка продавец, которую он только что отчитывал за какую-то провинность.

— Михаил Юрьевич, я вас очень прошу, не увольняйте! Я всё сделаю, вы будете довольны!

— Хорошо, Аня, иди к товару. Завтра поговорим. Сегодня я занят. Иди.

— Михаил Юрьевич!..

— Иди к товару, я сказал! Разговор перенесём на завтра. Иди.

Его резкость никак не вязалась с мягкостью его обращения со мной. Я удивлённо смотрела на него, и видела в нём уже другого человека, того неврастеника из ресторана. Но и тот, другой, человек, всё равно, вызывал уважение к себе.